

Кеннет Джанда

СРАВНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕОРИЯ

(Janda K. Comparative Political Parties: Research and Theory)

В настоящей статье дан обзор современных достижений в области компаративного, или кросснационального, анализа политических партий. Такой подход должен заинтересовать не только специалистов по сравнительной политологии, но и тех, кто изучает в первую очередь американские политические партии: я намерен показать, что обращение к сравнительным исследованиям может оказаться полезным и для них.

В статье рассматриваются только те работы, которые вышли в свет после 1980 г. и которые прямо основаны на компаративном подходе к анализу политических партий. Ссылки на работы, появившиеся ранее, а также на исследования, посвященные отдельным странам, даются лишь для обоснования некоторых тезисов. Иными словами, я не претендую на полный охват всех заслуживающих внимания статей, появившихся до 1980 г.; опущены и многие выдающиеся страноведческие исследования. Рамки предлагаемого вниманию читателя обзора ограничены и тем, что в нем — за двумя исключениями — используются лишь англоязычные публикации. В него не вошла богатейшая литература по сравнительному анализу политических партий, опубликованная на других языках — в частности, работы французских, немецких и итальянских ученых. К счастью, некоторые из этих работ переведены на английский; к еще большему счастью для нас, не знающих иностранных языков американцев, многие зарубежные исследователи политических партий (с особой признательностью следует отметить скандинавов) пишут и публикуются по-английски. В действительности, больше половины цитируемых здесь работ были созданы европейскими учеными; около половины были сначала опубликованы за пределами Соединенных Штатов.

Научный этноцентризм американских ученых приводит к тому, что значительная часть литературы по сравнительному изучению партий проходит мимо их внимания. К интересным выводам пришли

М.Джайлз, Ф.Мизелл и Д.Пэттерсон (Giles, Mizell, и Patterson, 1989), проводившие опрос среди преподавателей тех факультетов, где имеются аспирантуры по политическим наукам. Исследователей интересовало, в какой мере американские политологи знакомы с журналами по специальности. Оказалось, что около половины опрошенных (55% и 46% соответственно) знают ведущие американские журналы по сравнительной политологии — «Сравнительную политику» («Comparative Politics») и «Сравнительные политические исследования» («Comparative Political Studies»).¹ В то же время, менее чем 7% были известны «Европейский журнал политических исследований» («European Journal of Political Research»), где опубликовано значительное число работ по компаративному анализу политических партий, равно как и другой важнейший источник — «Британский политологический журнал» («The British Journal of Political Science»). Можно предположить, что уровень знакомства преподавателей с «Международным политологическим обозрением» («International Political Science Review»), «Журналом теоретической политики» («Journal of Theoretical Politics») и «Западноевропейской политикой» («West European Politics») — иностранными журналами, часто цитируемыми в настоящей статье, — еще ниже. Ж.Лапонс (LaPonce, 1980) провел сравнительное исследование того, насколько часто ссылаются на иностранные источники авторы «Американского политологического обозрения» («American Political Science Review») и журналов, издаваемых другими четырьмя старейшими ассоциациями политических наук — канадской, индийской, французской и британской. Выяснилось, что все страновые журналы этноцентричны, но в особенности — «Американское политологическое обозрение». Как справедливо заметил Д. МакКэй (McKay, 1988: 1052): «Американские ученые редко читают и потому — редко цитируют европейские журналы».²

За некоторыми важными исключениями, на которых я остановлюсь ниже, сравнительный анализ не относится к числу сильных сторон американской литературы по партиям. По-иному обстоит дело в Европе. Значительные достижения европейской науки в области структурной сравнительной политологии, определяемой МакКэем (McKay, 1988: с. 1054) как «систематическое изучение политических институтов и процессов на материале нескольких, иногда многих, стран», нашли свое отражение и в европейской литературе по партиям. Американская же литература имеет дело в основном с отечественными политическими партиями; сравнения с партиями других стран относительно немногочисленны. Конечно, концентрацию усилий на изучении американских политических

партий можно оправдать ссылкой на то, что Соединенные Штаты — большая страна, настоящая сверхдержава и, как утверждают некоторые, старейшая в мире демократия. Я полагаю, однако, что одностороннее внимание исключительно к американским партиям ограничивает наше понимание предмета. Известное дело — из-за деревьев не видно леса. Лучший способ понять особенности американских партий (а такие особенности действительно есть) — изучать их в сравнительном контексте, т.е. больше читать иностранную литературу.

В настоящей статье я попытаюсь преодолеть отмеченный выше дисбаланс в американских исследованиях, предложив вниманию читателей обзор новейшей литературы по сравнительному анализу политических партий с упором на концептуальные основы исследовательской практики и теории. Тех же, кого интересуют американские политические партии, можно отослать к превосходным историографическим работам Л.Эпштейна (Epstein, 1983) и У.Кротти (Crotty, 1991).

Американские партии в сравнительной перспективе

Что же дает нам сравнительный подход к изучению американских партий? Для иностранных ученых американские партии всегда были загадкой. Анализируя политику Конгресса США на рубеже столетий, Дж.Брайс (Bryce, 1912, VI: 151) в заключение остановился на одной его особенности, которую «европейцы всегда находили очень странной. Там есть партии, но они лишены руководства. Нет ни правительства, ни оппозиции. Трудно даже сказать, имеются ли там лидеры». Вскоре после второй мировой войны наиболее влиятельный европейский специалист по политическим партиям нашей половины столетия М.Дюверже (Duverger, 1963: 22; впервые опубликовано в 1951 г.) заметил, что «американские партии имеют весьма архаичную структуру». Почти двадцать лет спустя Дюверже продолжал описывать американские политические партии как «традиционные», по большей части выводя их за рамки своего анализа современных массовых (европейских) партий (Duverger, 1972: 8-9).

Американские ученые также отмечали специфику Демократической и Республиканской партий США по отношению к иностранным партиям. В написанном С.Элдерсвельдом учебнике по американским партиям одна из глав посвящена «особой природе американских партийных организаций». Ученый описывает их

структуру как «стратархию» — неиерархическую систему пластов контроля, характеризующуюся рассредоточенностью власти и отсутствием жесткого подчинения (Eldersveld, 1982: 97-99). Л.Эпстейн, одна из работ которого была посвящена сравнению партий, действующих в западных демократиях, озаглавил свою вышедшую двумя десятилетиями позже книгу по партиям США — «Политические партии американского образца». Имелось в виду, что этот «образец» уникален:

«Специфика американских партий давно и хорошо известна. По большей части она не связана с ощущаемым многими в последние несколько десятилетий упадком партий. Как руководящие органы, американские партии почти всегда отличались меньшей сплоченностью при выработке основных направлений политики, чем партии в условиях парламентских режимов. Как неправительственные организации, они всегда были сильнее на уровне штатов и местного самоуправления, чем на национальном уровне. Более того, обычно американские партии обходились без массы членов, обязанных платить взносы, что было отличительной особенностью европейских партий» (Epstein, 1982: 4).

Сходным образом У.Киф (Keefe, 1991) в шестом издании своего учебника описывает американские политические партии как организации с рассредоточенной властью, имеющие коалиционный характер, идеологически разнородные, стремящиеся к максимально широкому охвату населения и лишенные четко определенного членства.

Описывая американские партии, все эти авторы явно или неявно оглядываются на партии, существующие в других странах. Чтобы объяснить природу демократов и республиканцев, ученые прибегают к сравнительному анализу. Если такие сравнения действительно помогают нам лучше понять политические партии США, то, расширив сферу применения сравнительного подхода к политическим партиям, можно достичь еще большего понимания. А чтобы со знанием дела сравнивать партии и партийные системы, нужно представлять, каким образом в литературе определяются и исследуются такие общие понятия, как партийная структура, сплоченность, фракционность, идеология, стратегия и т.д. Необходимо также знать результаты сравнительного анализа факторов, обуславливающих перечисленные свойства партий, а также механизмов взаимодействия этих свойств и их влияния на политический процесс и власть. Приобщаясь же к литературе, посвященной сравнению политических партий, легко обнаружить, что она опирается на богатую традицию теоретических исследований, по сей день служащую источником развития теории

партий.

Теория партий и дефиниции

В своем обширном обзоре литературы по американским партиям У. Кротти критикует сравнительные исследования за отсутствие «подхода или модели, которые позволили бы адекватно подойти к исследованиям по предмету» (Crotty, 1991: 182). Однако в более ранней статье исследователя не обойдены вниманием основные вехи развития теории партий в работах М.Острогорского, Р.Михельса и М.Дюверже (Crotty, 1969). Острогорский (Ostrogorsky, 1964; впервые опубликовано в 1902 г.) связал возникновение политических партий с промышленной революцией и расширением избирательного права. В сформулированном Михельсом (Michels, 1962; впервые опубликовано в 1911 г.) знаменитом «железном законе олигархии» обоснована тенденция к концентрации власти в руках партийного руководства за счет массы рядовых членов. Наиболее важный вклад Дюверже (Duverger, 1963) состоял в выяснении взаимосвязей между идеологиями и структурами политических партий, а также между партийными и избирательными системами.

Современная европейская политология по-прежнему играет ведущую роль в разработке теории партий. Конечно, среди известных теоретиков есть и американцы, но большинство все же составляют европейцы либо по месту деятельности, либо по происхождению (Я.Бадж, Ж.Шарло, М.Дюверже, М.Лейвер, П.Мэйр, А.Панебьянко, С.Роккан, Дж.Сартори, К.Стром). И это не случайно. Можно сослаться, например, на такую причину, как непосредственное соседство партийных систем близлежащих стран. Общность границ порождает потребность в кросснациональных исследованиях, что побуждает ученых концептуализировать свои представления о партиях. А это, в свою очередь, способствует теоретическому развитию.

К сожалению, подобного рода объяснение вряд ли применимо к Соединенным Штатам. Лишь немногие ученые — например, Л.Эпстейн (Epstein, 1964) и М.Шварц (Schwartz, 1991a and 1991b) — сравнивают американские партии с канадскими, и уж совсем редко проводятся сравнения с Мексикой. Более убедительное объяснение ведущей роли европейских ученых состоит в том, что политические партии старого света гораздо многочисленнее и многообразнее американских. Поскольку тандем республиканцев и демократов уже более столетия играет ведущую роль в политической жизни США, американские ученые концентрируют основное внимание на

изучении этих сильнейших партий, оказывавших решающее воздействие на политику в общенациональном масштабе. С появлением на горизонте «третьих партий» у исследователей появлялся стимул подойти к проблеме с более общих позиций и выработать типологию, позволяющую учесть такие партии (Rosenstone, Behr, and Lazarus, 1984). В остальном американская политическая система редко побуждала ученых к разработке теории. В 50-страничном обзоре Кротти только четыре посвящены «поиску теории», но и на них в основном рассматривается лишь книга Э.Даунса (Downs, 1957) да ряд публикаций Дж.Шлезинджера, недавно переизданных под одной обложкой (Schlesinger, 1991).

Сама природа американских политических партий сдерживает развитие теории еще и в том смысле, что на американском материале трудно определить границы «партии» как базовой единицы анализа. В Европе существует ясное понимание партийного членства — факт уплаты взносов определяет принадлежность к партии. В США большинство штатов проводят регистрацию членов партий в ходе подготовки к первичным выборам, но в общенациональном масштабе говорить о членах партии бессмысленно; понятие «платящий взносы партиец» чуждо американцам. Американские ученые пытались выйти из этого затруднения, проводя различия между «партией как организацией» и «правительственной партией», с одной стороны, и «партией избирателей» — с другой. Однако эта попытка изучать партии по частям оказалась не слишком плодотворной в теоретическом плане (Schlesinger, 1991:3).

Как показал Дж.Помпер, «американские партии представляют собой беспорядочное переплетение этих трех условных форм, и их крайне сложно отделить друг от друга» (Pomper, 1992: 146). Собственное решение Помпера состояло в том, чтобы рассматривать партии как различающиеся по своим *целям* (сплоченные и коалиционные), *характеру* деятельности (инструментальные и экспрессивные) и *широте* охвата (элитарные или массовые). Используя эти измерения, ученый получил восьмичленную классификацию политических партий. В результате возникла возможность охарактеризовать Демократическую и Республиканскую партии США как в основном коалиционные и инструментальные массовые организации, соответствующие помперовскому определению партий как «рациональной команды, стремящейся к достижению правительственных постов». Хотя заданные ученым концептуальные рамки позволили ему выделить семь иных типов, предложенная классификация все же не отражает всего многообразия существующих в мире партий. Проблема классификации связана с

тем, какое определение партии мы используем — узкое или широкое.

Узкое определение партии

Шлезинджер заметил, что некоторые ученые «стремятся дать такое определение партии, чтобы под него подпадали все претендующие на это название организации» (Schlesinger, 1991: 6). Но, как полагает ученый, «сколь бы полезна ни была теория партий, основанная на столь широком определении, мой собственный подход менее амбициозен» и применим «лишь к тем партиям, которые участвуют в свободных выборах, в особенности если с течением времени они способны одержать на выборах победу» (с. 6). Как видим, Шлезинджер принимает хорошо известное определение Э.Даунса: партия — это «команда людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащим образом организованных выборах» (Downs, 1957: 25). Многие ученые используют сопоставимо узкие определения, исключая тем самым некоторые из организаций, считающиеся партиями за пределами США.

Это противоречие обратило на себя внимание уже в одном из первых сборников по сравнительной политологии — «Современных политических партиях» под редакцией З.Нойманна (Neumann, 1956). В своем заключении к сборнику Нойманн писал: «О настоящей политической партии можно говорить лишь при условии существования хотя бы еще одной конкурирующей группы», добавляя, что «однопартийная система есть терминологическое противоречие» (с. 395).³ Тем не менее, сборник содержал статью о Коммунистической партии Советского Союза. Несмотря на свое определение политических партий, Нойманн не счел возможным исключить из их числа коммунистические партии (см. также Epstein, 1975: 233). В противном случае пришлось бы отказаться от большого объема важной для сравнительной политологии литературы (Fischer-Galati, 1979; Szajkowski, 1986; Timmerman, 1987; Gillberg, 1989; Narkiewicz, 1990). Более того, как доказывает В.Рэнделл (Randell, 1984: 4), подобное «европоцентричное» определение вывело бы из поля внимания исследователей некоммунистические однопартийные системы в странах «третьего мира». И это при том, что, как показано в книге Т.Пемпеля (Pempel, 1990: 1), «подавляющее большинство наций-государств современности можно отнести к разряду однопартийных». Кроме того, преимущественное внимание к электоральным функциям партий выводит за рамки анализа «антисистемные партии», которые

Дж.Сартори определил как партии, подрывающие легитимность режима (Sartori, 1976: 132-133). Например, в условиях многопартийной системы коммунистические партии часто участвуют в выборах лишь из тактических соображений (Gilberg, 1989; Narkiewicz, 1990). Использование положения об электоральной конкуренции в качестве одного из критериев причисления к категории партий исключает также воинствующе религиозные, этнические и региональные партии, действующие на обочине политических систем. Так, Р.Макдональд и М.Рулль установили, что лишь немногие из более чем 125 политических партий, действующих в странах Латинской Америки, выполняют роли, «предписанные им общетеоретической политологической литературой, которая основана на западноевропейских и англосаксонских системах, где права парламентов и повиновение армий считаются чем-то само собой разумеющимся» (McDonald и Ruhl, 1989: 3).

Широкое определение

Действительно общая теория политических партий не может основываться на узком определении, неприменимом к однопартийным системам и антисистемным партиям. В классической работе Дюверже «Политические партии» можно найти плодотворное обсуждение однопартийных, равно как и многопартийных систем; военизированные группировки сопоставляются ученым с парламентскими партиями. Охват этой работы был столь широк, что Дюверже не сформулировал в ней какого бы то ни было определения партии. Позднее ученый определил партии как организации, которые, во-первых, «стремятся прежде всего к захвату власти или к участию в ее отправлении» и, во-вторых, опираются на «поддержку широких слоев населения» в отличие от групп давления, «представляющих ограниченное число граждан с особенными или частными интересами» (Duverger, 1972: 1-2). Первая часть этого определения предполагает, что партии могут существовать и без участия в выборах. Вторая часть представляет собой довольно безуспешную попытку провести грань между партиями и группами давления, т.е. разрешить важнейшую для любого широкого определения партий проблему.

Значительное внимание концептуальным проблемам, возникающим в связи с определением партии, уделял также Сартори (Sartori, 1976: 60-64). Ученый стремился дать «минимальную дефиницию», которая включала бы лишь *необходимые* свойства партий. Сформулированное в результате определение звучит так: партия —

это «любая политическая группа, имеющая официальное название, участвующая в выборах и способная путем участия в выборах (свободных или несвободных) замещать государственные должности своими кандидатами» (с. 63). Выделяя то обстоятельство, что выборы не обязательно должны быть свободными, Сартори распространил свое определение на партии, действующие в условиях однопартийного режима. Но и это определение оставляло за рамками партии, стремящиеся приобрести власть или уже завладевшие ею, не прибегая к выборам.

Еще более широким является определение партии как организации, преследующей цель замещения правительственных должностей своими признанными представителями (Janda, 1980b: 5). Цели любой организации многообразны. Чтобы соответствовать данному определению, организации достаточно иметь в числе тех целей, которые она ставит перед собой, достижение правительственных должностей своими признанными представителями. (Под «правительством» в данном случае подразумевается любая государственная служба, как в Америке, а не кабинет, как в Великобритании).⁴ Кроме того, речь идет именно о *признанных* представителях партии, т.е. о лицах, открыто идентифицируемых с названием партии или с ее символикой. Если группа интересов открыто выдвигает кандидатов на выборах, она становится партией. Как отмечает Л.Эпстейн (Epstein, 1966: 104), «наличие узнаваемого названия (независимо от того, вносится ли оно в избирательный бюллетень или нет) — вот решающий элемент определения». Наконец, термин «замещение» тоже следует понимать широко, включая сюда как достижение должностей путем участия в выборах (когда две или несколько партий соревнуются за эти должности), так и прямое административное назначение (когда соревнование за власть запрещено правящей партией) или насильственный захват (когда партия стремится завладеть властью путем подрыва существующей системы). Соответственно, партии могут использовать *состязательную, сдерживающую* или *подрывную* стратегии в борьбе за достижение своих целей.

В отличие от дефиниции Сартори, данное определение можно распространить на захват большевиками власти в 1917 г. (Barghoorn, 1956), использование Народной социалистической партией Кубы захвата власти Фиделем Кастро (Griffiths, 1988), установление баасистского режима в Ираке после военного переворота 1968 г. (Farouk-Sluglett и Sluglett, 1988) и ограничения на свободные выборы, к которым прибегала Институционально-революционная партия в Мексике (Philip, 1988). Очевидно, указанные сдерживающие и подрывные партии отличаются от состязательных

и требуют иных теоретических подходов (LaPalombara и Weiner, 1966: 29-33). Тем не менее, Дюверже (Duverger, 1963) удалось показать, что революционные и авторитарные партии можно продуктивно исследовать в сопоставлении с состязательными; в другой работе предпринято плодотворное сравнение партий всех регионов мира (Janda и Gillies, 1983). Остается, однако, открытым вопрос о том, насколько пересекаются между собой теоретические предпосылки, применимые к различным типам партий.

Коренной вопрос для сравнительного изучения партий состоит как раз в выборе широкого или узкого определения. Именно от определения зависит, замыкается ли исследование на чисто состязательных партиях, действующих в демократических системах, или приобретает более универсальный характер, включая однопартийные системы, антисистемные или подрывные партии. Многие исследователи американских партий были бы, подобно Шлезинджеру, вполне удовлетворены узким определением, связанная с которым «общая теория» применима лишь к состязательным партиям. Даже многие европейские ученые склонны к подходу, сводящему сферу изучения партий к западным демократиям (von Weizsäcker, 1983: 2). Но специалисты по «третьему миру» нуждаются в более широком определении, которое могло бы лечь в основу теорий, раскрывающих роль партий в соответствующих политических системах. Как признает даже Эпстейн, ограничивший собственное исследование состязательными партиями западных демократий, «нет ничего плохого в том, чтобы придерживаться широкого определения» (Epstein, 1975: 233).⁵

Понятия, используемые при анализе политических партий

В данном обзоре литературы по сравнительному анализу политических партий используется широкое определение партии. Чтобы представить обширный страноведческий материал в более компактном виде, основное внимание уделяется литературе по отдельным партиям, а не по партийным системам. Структура изложения основана на концептуальной схеме, разработанной в моем кросснациональном обзоре политических партий (Janda, 1980b). В основе этой схемы лежит положение о том, что наиболее важные аспекты партий (в отличие от партийных систем) «схватываются» с помощью десяти понятий: институционализации, проблемной ориентации, социальной поддержки, организационной сложности, централизации власти, автономии, согласованности,

вовлеченности, стратегии и тактики, правительственного статуса. Эти понятия целесообразно использовать и в обзоре литературы по сравнению политических партий.

Институционализация

Институционализация — это процесс, посредством которого партии упрочиваются, приобретают значение и устойчивость (Huntington, 1965: 394). Как показала М.Уэлфлинг (Welfling, 1973: 13), Институционализация есть не только процесс, но и свойство, или состояние. В качестве свойства, институционализация может быть определена как степень материализации партии в общественном сознании, в результате чего она существует независимо от собственных лидеров, регулярно вовлекаясь в значимые модели поведения (Janda, 1980b: 19). В Соединенных Штатах две основные партии достигли, в сущности, одинаковых уровней институционализации, но в других странах уровни институционализации партий весьма различны. Например, в середине 60-х годов Р.Скотт заметил, что в Латинской Америке «на местном уровне реальные механизмы политических партий практически отсутствуют, а там, где они есть, редко непосредственно связаны с общенациональными организациями. Вместо этого, перед каждыми выборами местные нотабли создают свои собственные персоналистские организации, вступая в союз с лидерами так называемых общенациональных партий по соображениям политической или материальной выгоды» (Scott, 1966: 337). Л.Пай пришел к близким выводам на материале партий, действующих в Юго-Восточной Азии (Pye, 1966), а осуществленный Уэлфлинг тщательный анализ ситуации в африканских странах показал, что даже там уровни институционализации партий существенно разнятся между собой (Welfling, 1973). Недавние исследования, проведенные Р.Диксом в Латинской Америке, также продемонстрировали, что партии и партийные системы данного региона «к началу 1990-х оказались несколько более институционализированными, чем они были во время предыдущего взлета латиноамериканской демократии 1960-х годов.» (Dix, 1992: 505).

Существуют различные способы измерения уровня институционализации партий. Иногда в качестве индикаторов применяются продолжительность существования партий, а также количество расколов и слияний (Lane и Ersson, 1991: 113; Dix, 1992). Используется также сложная шкала, учитывающая несколько параметров — «возраст» партии, электоральную стабильность,

стабильность представительства в законодательных органах и смену руководства.⁶ Чаще, однако, индикаторы бывают более простыми — такими как минимальная поддержка избирателей и минимальная продолжительность существования. Р.Роуз и Т.Маки, например, утверждают, что «мы можем говорить об институционализации партии в том случае, если она участвовала более чем в трех общенациональных выборах. Если партия не смогла этого достичь, ее нельзя назвать упрочившейся. Она эфемерна» (Rose и Mackie, 1988: 536). Проанализировав на основе этого критерия партии 19 демократических стран от первых свободных выборов до 1983 г., исследователи обнаружили, что из 369 партий, участвовавших по меньшей мере в одних выборах и получивших по меньшей мере один процент голосов, лишь немногим более половины достигли институционализации.

Ясно, что многочисленные партии, возникшие в странах Восточной Европы и на территории бывшего Советского Союза, сталкиваются с проблемой институционализации. Так, в Польше на выборах 1989 г. «Солидарность» захватила почти все должности, какие было возможно, но К.Ясевич связал этот успех (и его вывод был подтвержден в ходе регрессивного анализа, предпринятого Б.Хейнсом и И.Бялецким (Heyns и Bialecki, 1991) скорее с антиправительственным настроением избирателей, чем особыми симпатиями к самой «Солидарности» (Jasiewicz, 1992). После октябрьских (1991 г.) парламентских выборов в 460-местном польском Сейме заседали представители около 30 партий и групп, причем сильнейшая из них располагала лишь 62 местами. Говоря о новой политической ситуации в стране, Ясевич заметил, что «за исключением переименованных коммунистов и нескольких групп — ветеранов оппозиции, все партии являются совершенно новыми. У них нет традиций, аппарата, организационной истории, общепринятых правил поведения» (Jasiewicz, 1992. 66).

Аналогичная ситуация сложилась в бывшем Советском Союзе, где, согласно Д. Келли, «поведенческий плюрализм» привел к появлению в 1991 г. более 60 тыс. политических организаций. Но, по мнению исследователя, «институциональный плюрализм» при этом отсутствовал, и реальной многопартийности не было:

«Многопартийность обычно понимается как порядок, при котором партийные структуры служат проводниками политического конфликта, адекватно отражают взгляды определенных групп избирателей и выступают от их имени, а также принимают участие в функционировании правительства или оппозиции. Во многих отношениях эволюция партийных и групповых структур еще не привела к такому уровню зрелости» (Kelley, 1992 31).

М. Макфол утверждает, что развитие партий в России подрывается вполне закономерным недоверием и отвращением граждан к партийным структурам, а также неготовностью новых партий к отказу от старорежимных представлений о задачах и функциях политических организаций. «В конце концов, — продолжает ученый, — партий попросту слишком много; изобилие демократии губительно для демократии» (McFaul, 1992: 32).⁷

Рассматривая институционализацию как зависимую переменную, Роуз и Маки выделили четыре фактора, при наличии которых шансы новообразованной партии на успешную институционализацию возрастают: (1) возникновение одновременно с проведением первых свободных выборов; (2) пропорциональная избирательная система; (3) опора на организованную социальную группу; (4) первоначальный успех на выборах. Три из этих факторов относятся к «условиям возникновения», которые Дюверже рассматривал как важный показатель, позволяющий предвидеть свойства партий (Duverger, 1963). С условиями возникновения партий связывают перспективы их институционализации и другие ученые. А.Панебьянко (Panebianco, 1988: 50-52) выделяет три важнейших фактора: (1) возникла ли партия из «центра», с тем чтобы потом проникнуть на «периферию», или, напротив, выросла из местных организаций, которые затем объединились в общенациональную организацию (ученый называет эти варианты, соответственно, «проникновением» и «диффузией»);⁸ (2) была ли партия с самого начала поддержана каким-то другим, уже существующим институтом, или она развивалась, опираясь лишь на собственные силы («внешняя» или «внутренняя» легитимация); (3) стоял ли у истоков партии харизматический лидер. Согласно Панебьянко, проникновение, внутренняя легитимация и отсутствие харизматического лидера способствуют успешной институционализации.

Более интересные результаты дает подход, при котором институционализация выступает как независимая переменная. Преимущественно в этом качестве она и интересует Панебьянко, который предлагает различать партии по «достигнутым ими *уровням институционализации*''' (Panebianco, 1988: 55). С точки зрения ученого, анализ институционализации позволяет предсказывать не только возникновение внутрипартийных групп, но и характер развития партий (с. 265). Например, достигшие высокого уровня институционализации партии менее подвержены переменам. Переходя от отдельных партий к партийным системам, М.Уэлфлинг высказала теоретическое положение, согласно которому высокий уровень институционализации всех партий системы смягчает

социальные конфликты и способствует стабильности (Welfling, 1973: 54-58). Р.Дикс (Dix, 1992) рассматривает институционализацию партийных систем как важную составляющую перехода к демократии в Латинской Америке.

Проблемная ориентация

В сравнительных исследованиях политических партий уделяется большое внимание позициям партий по проблемам, имеющим кросснациональное значение. Многие из этих проблем подпадают под понятие идеологии, но некоторые не вписываются в общепринятые представления об этом феномене. Идеология, как еще сорок лет назад показал Дюверже, занимает центральное место в теории партий, выступая прежде всего в качестве *независимой* переменной, воздействующей на другие характеристики. Говоря об основных идеологических типах — коммунистическом, социалистическом, Центристском, консервативном и фашистском — Дюверже фактически рассматривал их как точки на «лево-правой шкале».

«*Лево-правая шкала*». Основополагающее значение идеологии для теории партий подтверждается огромным потоком эмпирических исследований по данной проблематике. В основном, исследованиями такого рода занимаются европейские ученые (Mavrogordatos, 1987: 335). Со времен Дюверже научное сообщество продвинулось далеко вперед, оставив в прошлом простейшими типологии, подразделяющие партии на коммунистические, социалистические и т.д., но удержало сам принцип единой «лево-правой шкалы». М.Лейвер и Н.Шофилд (Laver и Schofield, 1990: 51-52) выделяют несколько способов определения места политических партий в рамках «лево-правого» континуума — от старомодного изучения первичных и вторичных источников (Taylor и Laver, 1973; de Swaan, 1973; Dodd, 1976) до систематических опросов экспертов (Castles и Mair, 1984), контент-анализа партийных программ (Budge, Robertson и Hearl, 1987) и многомерного анализа результатов массовых социологических опросов (Huber, 1989).⁹ В приложении к своей книге Лейвер и Шофилд сводят воедино результаты многих подобных исследований по 18 странам (с. 245-266).

Заслуживает внимания опрос, проведенный Каслсом и Мэром (Castles и Mair, 1984). Ученые попросили сто ведущих западных политологов разместить партий 17 стран на 11-пунктной шкале, ранжируя их от ультралевых (0) до ультраправых (10). Всего такой процедуре подверглось 119 партий, причем каждая оценивалась по

меньшей мере тремя специалистами по данной стране. Затем Каслс и Мэер вычислили усредненные рейтинги и только потом определили место каждой из партий на «лево-правой шкале». Исследователи отметили, что «подобная методика неизбежно упрощает многомерную реальность, в которой измерений может быть два или больше, так что они сосуществуют и накладываются друг на друга» (с. 75). Это не помешало им прийти к выводу, что избранный метод позволяет судить о партиях, «исходя из обобщенных стандартов, а не сугубо страновых критериев» (с. 83), создавая таким образом основу для размещения партий вдоль «лево-правого» континуума.

Другие кросснациональные исследования партийных идеологий описывают проблемные позиции партий по меньшей мере по двум измерениям. В одном из таких исследований был проведен анализ текстов для формализации позиций 150 партий из 53 стран по одиннадцати проблемам, наиболее часто идентифицируемым с «лево-правым» континуумом. Затем были проанализированы корреляции этих позиций между собой, а на этой основе выявлены скрытые составляющие проблемных позиций. Оказалось, что позиции партий по 11 проблемам, сводимых к двум таким составляющим, — семь коррелировали со шкалой, которая была названа «марксистской», а четыре — со «шкалой либерализма», по которой ранжируется отношение партий к гражданским правам и свободам (Janda, 1980b: 147-149).

Двухфакторная интерпретация проблемных позиций была поддержана и в наиболее амбициозном из когда-либо проводившихся исследований партийных идеологий. И.Бадж, Д. Робертсон и Д.Херл (Budge, Robertson и Hearl, 1987) при финансовой поддержке Европейского консорциума по политическим исследованиям возглавили проект, предусматривающий проведение контент-анализа предвыборных манифестов всех значительных партий в 19 странах с 1945 по 1983 г. Не высказывая суждений о политическом содержании манифестов, привлеченные к реализации проекта специалисты по отдельным странам прибегли к более объективной — хотя и более спорной — методике. Каждая из фраз, содержащихся в документах, была отнесена к одной из 54 выделенных в исследовательских целях категорий, причем сами эти категории были сведены к семи более широким «областям политики». Предполагалось, что «наиболее важный аспект документов — это степень внимания, уделяемая партиями той или иной «области политики» как таковой, а не партийные позиции по отдельным вопросам в рамках таких областей» (с. 24). Контент-анализ документов позволил определить, что основных измерений — два: «главное, имеющее ярко

выраженный «лево-правый» характер, наблюдается в 15 из 20 стран» (с. 392), второе же «нередко выглядит как модифицированное отражение противоположности между «левыми» и «правыми»» (с. 395). Таким образом, вопреки предположениям о колоссальном многообразии проблемных позиций в разных странах, проведенные исследования показывают, что все это многообразие может быть оценено на основе лишь двух факторов, причем оба они имеют нечто общее с «лево-правым» континуумом. (Концептуальный анализ двух аспектов «лево-правого» континуума можно найти в работе Л.Силвермэна, Silverman, 1985).

В принципе, партии могут менять свои идеологические позиции, и Э.Даунс сформулировал теорию, согласно которой такая эволюция происходит вследствие стремления партий получить больше голосов на выборах (Downs, 1957). Но исследования показали, что, вопреки ожиданиям Даунса, партии не проявляют особого желания оказаться в центре «право-левого» континуума, невзирая на обилие избирателей — «центристов» (Listhaug, Macdonald и Rabinowitz, 1990).¹⁰ Хотя есть случаи стремительных идеологических сдвигов ради достижения успеха на выборах — наиболее известным примером такого рода является трансформация Социал-демократической партии Германии в 1959 г. (Panbianco, 1988: 253-257), как правило, партии меняют свои проблемные позиции медленно, постепенно деидеологизируясь и превращаясь в универсальные организации (Kirchheimer, 1966). Проведенное Дж.Томасом лонгитюдное (продольное) исследование почти столетней эволюции 54 партий в 12 западных странах выявило «существенное сужение сферы политического конфликта» по проблемным позициям (Thomas, 1975: 46; 1990). Томас рассмотрел также различные вариации гипотез о «конце идеологии» и «конвергенции», некоторые из которых не получили эмпирического подтверждения.

В последнее время многие ученые сосредоточили свое внимание на исследовании вопроса о том, действительно ли, как это утверждает Р.Инглхарт, конфликт между «материалистическими» и «постматериалистическими» ценностями вытеснил конфликт между «правыми» и «левыми» позициями, традиционно определявшими раскол между партиями (Inglehart, 1977: 242; 1990: 296-298). Используя данные о партийных предпочтениях избирателей в 10 странах, О.Кнутсен подверг проверке теорию возникновения «новой политики» и пришел к выводу, что «старый» и «новый» конфликты сосуществуют, но ни один из них не доминирует над другим (Knutsen, 1988; 1989). Сходным образом Г.Китшельт исследовал «новую структурную дифференциацию и поляризацию» в Европе,

обусловленную появлением леволибертарианских партий (Kitschelt, 1990: 201).

Проблемно-ориентированные партии. Большинству крупных партий нетрудно найти место на «лево-правой» шкале; введение второго измерения решает проблему со многими другими. Тем не менее, некоторые партии не поддаются классификации, поскольку их политические установки сконцентрированы на какой-то одной проблеме или типе проблем. Я.-Э.Лэйн и С.Эрссон (Lane и Ersson, 1991: 273) проводят различие между *неструктурными* проблемами, имеющими отношение к политическому процессу на общенациональном уровне, и *структурными* проблемами, специфическими для определенных социальных групп. Структурные проблемы служат источником возникновения этнических, религиозных, региональных некоторых классовых партий (с. 103-111). (Партии, ориентированные на структурные проблемы, будут обсуждены ниже в разделе о социальной поддержке.)

В последнее время появилось множество работ, посвященных исследованию партий, ориентирующихся на неструктурные проблемы. В особенности это касается новых партий, которые ставят во главу угла разрешение проблем, чуждых появившимся ранее политическим организациям (Lawson и Merkl, 1988; Dalton и Kuechler, 1990). Главным примером здесь могут служить проблемы защиты окружающей среды, ставшие предметом заботы европейских «зеленых» (Muller-Rommel, 1985; Schoonmaker, 1988). Однако проведенное Р.Хармелем и Дж.Робертсоном исследование 233 новых партий, возникших в странах Запада с 1960 по 1980 г., показало, что, вопреки тому вниманию, которое уделяют ученые партиям, ориентированным на новые проблемы (т.е. экологическим, феминистским, партиям борьбы за мир, против ядерной угрозы, против европейской интеграции, против НАТО), к данной категории можно отнести только 10% новосозданных партий (Harmel и Robertson, 1985: 508). Более половины новых партий лишь предлагали альтернативные решения «старых» вопросов, укладывающихся в «лево-правый» континуум. К их числу относятся, например, партии борьбы против налогов и другие разновидности новоправых партий (Lane и Ersson, 1991: 108-111). Обсуждался в литературе и вопрос о том, поддаются ли классификации на основе «лево-правой» шкалы те партии, которые действительно ориентированы на новые проблемы (Muller-Rommel, 1990). Г.Китшелт и С.Хеллеманс провели ограниченное по масштабу исследование бельгийских партий, которое показало, что левые установки по социально-экономическим вопросам по-

прежнему существуют, но уже не вполне соответствуют традиционным представлениям о «лево-правом» континууме (Kitschelt и Hellemans, 1990).

В большинстве исследований по проблемным ориентациям важное место уделено методике измерения таких ориентации. В теоретических работах идеология и проблемные ориентации чаще всего выступают как независимые переменные: для ученых важнее воздействие этих ориентации на политический процесс (формирование коалиций) и его результаты (экономические и социальные программы), чем причины, побуждающие партии принять ту или иную позицию. К обсуждению этой тематики мы перейдем ниже, ибо прежде необходимо ввести и обсудить некоторые пока не затрагивавшиеся понятия.

Социальная поддержка

Партии создаются не только для того, чтобы, как считал Э.Берк, отстаивать позиции по политическим проблемам, но и для защиты социальных интересов (Chariot, 1989).¹¹ С.М.Липсет и С.Роккан дали наиболее убедительное сравнительно-политологическое обоснование роли партий как политических выразителей социальных расколов (Lipset и Rokkan, 1967). Они выделили четыре основных раскола — между центром и периферией, государством и церковью, городом и деревней, собственниками и рабочими, — которые дали толчок к появлению в Европе политических партий с различными социальными базами (региональных, религиозных, профессиональных и т.д.). Р.Долтон (Dalton, 1988: 128-149) обновил и дополнительно обосновал эту теорию. Хотя Р.Дикс (Dix, 1989) и утверждает, что липсетовско-роккановская концепция исторических расколов неприменима к латиноамериканским партиям, есть основания считать, что сформулированная Липсетом и Рокканом концепция социальной базы может успешно применяться и в кросскультурных исследованиях. Говоря более конкретно, шесть социальных измерений — экономический статус, религия, этническая принадлежность (в том числе язык и раса), уровни урбанизации и образования — продуктивно использовались при изучении социальной поддержки политических партий широкого круга стран (Janda, 1980b: 41).

Один из ранних сборников научных трудов по электоральному поведению исходил из допущения, что «социальные различия структурируют партийные предпочтения» (Rose, 1974: 16). Г.Смит описал, насколько сложно проводить четкие различия между партиями и партийными системами при обсуждении социальных расколов, которые «характеризуют не партийные системы, само

определение которых исходит из понятия взаимодействия, а социальный состав сил, поддерживающих отдельные партии» (Smith, 1989: 35). Однако пока мы сосредоточим внимание на отдельных партиях, а не на взаимодействиях между ними в рамках партийной системы (Laver, 1989). Основные измерения партийных систем будут обсуждены при дальнейшем изложении материала.

Важным стимулом к проведению серьезных исследований по проблемам, связанным с социальной поддержкой партий, послужила основополагающая работа Р.Роуза и Д.Эрвина (Rose и Urwin, 1975). Ученые дали оценку «социальной сплоченности» 76 партий в 17 странах Запада, взяв за критерий долю сторонников каждой из партий, принадлежащих к определенной региональной, религиозной, этнической или классовой группе, а также к городскому или сельскому населению. В результате проведенного исследования Роуз и Эрвин пришли к выводу, что источниками «сплоченности» чаще всего служат религия (ее роль особенно велика) и классовая принадлежность. Проведенный мною совместно с С.Эрссоном и Я.-Э. Лэйном анализ результатов выборов в отдельных регионах шестнадцати западных стран, основанный на данных по 93 партиям, позволил нам заключить, что различия в поддержке отдельных партий во многом объясняются региональными факторами, но на региональном уровне сильное влияние на предпочтения избирателей оказывают такие факторы, как религия и классовая принадлежность (Ersson, Janda и Lane, 1985).¹²

Считается, что партии с широкой социальной опорой скорее агрегируют разнородные интересы, нежели выражают какие-то специфические потребности. Действительно, различие между партией и группой интересов часто усматривают в том, что первая агрегирует интересы, а вторая — выражает их (Almond и Powell, 1966). Но это различие не является абсолютным. Р.Янковски (Jankowski, 1988) утверждает, что широкие группы интересов лучше многих партий агрегируют интересы, в то время как некоторые партии соперничают с группами интересов в отстаивании специфических позиций. Чем уже социальная база партии, тем более вероятно, что она будет выражать особые интересы. Многие исследователи социальной поддержки полагают даже, что «структурные» партии (т.е. партии, имеющие прочную социальную базу) выражают позиции по «структурным проблемам» (Maier, 1989a: 170-171). В пользу такого предположения говорят и некоторые эмпирические данные. Чем больше сторонников партии проживает в одном регионе, тем более критически данная партия относится к централизации; чем больше сторонников партии принадлежит к

определенной конфессии, тем более жесткой позиции (хотя, разумеется, тут многое зависит от характера конфессии) придерживается эта партия по вопросам секуляризации (Janda, 1989).

В опубликованной в 1967 г. работе Липсет и Роккан утверждали, что обусловленность партий общественными расколами привела к «застыванию» европейской партийной системы, так что в 60-х годах партии располагали практически тем же уровнем поддержки, как и четырьмя десятилетиями ранее. Обнаружив в ходе исследования, что уровни электоральной поддержки европейских партий действительно мало изменились с 1945 по 1965 г., Роуз и Эрвин поддержали гипотезу о застывшей партийной системе (Rose и Urwin, 1970). В течение какого-то времени подобная интерпретация стабильности европейских партий была общепринятой, но затем ситуация переменялась. Многочисленные исследования, о которых подробно рассказывается в работе П.Мэера (Mair, 1983), продемонстрировали высокий уровень нестабильности электоратов после 1970 г. (см. также Maguire, 1983; Pedersen, 1983). В некоторых странах это привело к систематическому размыванию социальной поддержки отдельных партий, особенно коммунистических (Waller и Fennema, 1988) и социалистических (Piven, 1992). Бросая вызов Липсету и Роккану, М. Шамир на основе анализа временного ряда показал, что партийные системы, строго говоря, никогда и не были застывшими (Shamir, 1984), а по утверждению Дж.Либека (Lybeck, 1985), гипотеза о застывании вообще не поддается проверке. Но, как пишет П.Мэер (Mair, 1989b), когда Липсет и Роккан рассматривали проблему расколов, они вполне могли иметь в виду не отдельные партии, а более широкие политические группировки (например, «правых» и «левых»). Так что гипотезу еще можно спасти. Развивая эту линию аргументации, С.Бартолини и П.Мэер проанализировали электоральную неустойчивость на материале 303 выборов, состоявшихся в 13 западноевропейских странах с 1885 по 1985 г. (Bartolini и Mair, 1990: 63-65). Вывод ученых состоял в том, что партийные системы действительно «склонны к стабильности», причем со временем эта «склонность» только усиливается (с. 287-288).

Многие исследователи по-прежнему используют модель Липсета и Роккана при анализе упадка влияния структурных расколов как факторов, определяющих поддержку партий. Иногда этот процесс определяют как рассредоточение (dealignment) (Knutsen, 1988; 1989). В сборнике научных трудов под редакцией Р.Долтона, С.Фланагана и П. Бека отмечается, что «наиболее популярной темой» в последние годы стали «сдвиги на уровне баз долгосрочной поддержки партий

— партийных идентификаций и социальных расколов» (Dalton, Flanagan и Beck, 1984: 451). В книге, озаглавленной «Когда партии терпят крах», К.Лоусон и П.Меркл рассматривают эти сдвиги как важное свидетельство упадка партий: «Во всем мире возникают движения, ориентированные на решение какой-либо одной проблемы; группы интересов уподобляются партиям; второстепенные партии в одночасье выигрывают выборы, в то время как доселе ведущие партии теряют доверие избирателей» (Lawson и Merkl, 1988: 3). Г.Рейтер приводит следующий список независимых переменных, привлекаемых в литературе для объяснения «упадка партий»: «изобилие, усиление государства, появление универсальных партий, неокорпоратизм, средства массовой информации, новые политические проблемы и расколы, трудности в функционировании государства, постиндустриализм» (Reiter, 1989: 329). Однако ни сам Рейтер, ни П.Селле и Л.Свосанд (Selle и Svaasand, 1991) так и не смогли найти систематического подтверждения идеи «упадка партий» в данных лонгитюдных кросснациональных исследований. С.Волинец (Wolinetz, 1988) отмечает, что такое подтверждение может дать анализ организационных изменений, происходящих в процессе приспособления партий к меняющейся среде.

Организационная сложность и власть

Многочисленная литература по теории организаций и литература по политическим партиям практически никак не связаны между собой (Janda, 1983).¹³ Например, компьютерный поиск в файле «Рефераты по социологии» базы данных «Диалог» показал, что в журнальных статьях и материалах конференций, увидевших свет в 1980 — 1991 гг., политические партии упоминались 905 раз, однако лишь в трех из этих публикаций одновременно упоминалась теория организаций или какая-то ее версия. Только две из таких публикаций были посвящены собственно партиям (Deschouwer, 1986; Jankowski, 1988). Именно потому, что специалисты по сравнительному анализу партий уделяют мало внимания хорошо разработанной в литературе теории организаций, их собственные теоретические построения имеют несистематический характер, а достоверные индикаторы уровня партийной организации так и не разработаны (Janda, 1983). Следует отметить, что в данном научном направлении приоритет принадлежит американцам (см. Grotty, 1968); ими же в основном осуществлялась и разработка проблемы.¹⁴ Творческий подход к проблеме поиска индикаторов, которые позволяли бы определять параметры партийной организации, проявился в целом ряде работ

(Gibson et al., 1983; 1989; Cotter et al., 1984). Как показали исследования, к 1980 г. американские партии достигли весьма высокой организационной устойчивости как на уровне штатов, так и на местном уровне; тенденция к организационному укреплению партий продолжала проявляться и в 1984 г. Однако замкнутость на американской тематике не позволяет продуктивно использовать полученные результаты в кросснациональном сравнительном анализе.

Э.Уэллхофер принадлежит к числу тех немногих ученых, которые разрабатывали применимые в кросснациональных исследованиях концептуальные средства измерения организованности партий. Им было введено понятие «организационной инкапсуляции» как «способности подразделений партии максимально широко охватывать повседневную активность ее членов» (Wellhofer, 1979: 206).¹⁵ Применяя объективные показатели членства в партии и развития местных организаций, ученый измерил уровни инкапсуляции в социалистических (лейбористских) партиях Аргентины, Великобритании, Норвегии и Швеции. Уэллхофер использовал лонгитюдный анализ по временному ряду для изучения влияния организационных характеристик на электоральный успех партии (см. также Wellhofer, 1981). К сожалению, ученый оперировал в основном лишь одним критерием организованности. В свою очередь, А.Панебьянко (Panebianco, 1988) разработал более глубокие концептуальные показатели партийной организованности, включая понятия доминирующей коалиции, институционализации и организационной сложности, однако не дал четкой методики объективного измерения данных показателей.

Значительная часть эмпирических сравнительных исследований по проблемам партийной организации вдохновляется работами М.Дюверже, который предложил такие понятия, как прямая или непрямая структура, базовые элементы, организационная артикуляция и централизация власти. Я.-Э.Лэйн и С.Эрссон несколько модифицировали эти понятия и применили их к изучению европейских партий (Lane и Ersson, 1991: 123-128). Осмысление тезисов Дюверже с помощью литературы по теории организаций позволило мне (Janda, 1980b) выделить два основных аспекта организационной структуры — организованность и централизацию власти. Понятие «организованность», близкое по содержанию к «организационной артикуляции» Дюверже, отображает сложность структурной дифференциации партии. С помощью понятия «централизация власти», как и у Дюверже, выделяются носители власти и ее распределение. Измерение, проведенное по двум в высокой степени достоверным шкалам на материале свыше 100

партий, позволило заключить, что на эмпирическом уровне связь между данными двумя аспектами не прослеживается.¹⁶ Несмотря на это, многие ученые по-прежнему их не различают, именно потому они и рассматриваются в настоящем обзоре вместе.

За немногими исключениями, в литературе по сравнительному анализу партий не уделялось большого внимания проблеме концептуализации партийной организации. Еще чаще игнорировались проблемы измерения. В особенности это касается таких показателей, как организованность и власть. Например, Дж.Сартори использовал понятие организации без дополнительных различий, просто-напросто деля партии на «организованные», «неорганизованные» и «средние» (Sartori, 1976: 76, 81). К.Лоусон выделял шесть типов организаций, исходя из центра сосредоточения власти и вовлеченности активистов в деятельность партии (Lawson, 1976: 78). А К. фон Бойме попросту приходил в отчаяние от запутанности организационных отношений внутри европейских партий и заключал, что «лучшее, на что мы можем рассчитывать, — это разработка типологии, основанной на простом сходстве случаев между собой» (von Beume, 1983: 367).

В эмпирической теории партий достаточно слабо разработаны также понятия, описывающие организационную структуру партий, хотя и здесь исключением является Дюверже. В его работах переменные, имеющие отношение к организации, выступают в двух качествах — как независимые и зависимые. Для Дюверже централизация власти являлась *причиной* сплоченности партии (на этом я остановлюсь ниже) и *следствием* левой идеологической ориентации. Кроме того, Дюверже выводил организационные характеристики партий из условий их возникновения (зародились они внутри или вне парламента, сформировались на раннем или позднем этапе политического развития страны). Некоторые ученые использовали условия возникновения для объяснения структуры партий стран третьего мира и Европы (Hodgkin, 1961; LaPalombara и Weiner, 1966), тогда как Т.Келбле, раскрывая источники децентрализованной структуры партии «зеленых» в Германии, ссылаясь и на идеологию, и на условия возникновения (Koelble, 1989). В качестве независимой переменной централизация рассматривалась лишь немногими компаративистами, в частности, Р.Долтоном, в работе которого наряду с опросом европейских избирателей использовались и простейшие формы измерения степени централизации партий. Это позволило показать, что чем выше уровень централизации партии, тем более адекватно избиратели воспринимают ее позиции (Dalton, 1985).

Сложность партийной организации и уровень централизации власти,

помимо всего прочего, обуславливаются средой, в которой действует партия. Проведенное мною совместно с Р.Хармелем исследование 95 партий в 28 демократических и квазидемократических странах выявило тенденцию к сходству организационных структур партий, действующих в одной и той же стране (Harmel и Janda, 1982). 44% различий в организационной сложности партий, как выяснилось, поддаются объяснению при помощи факторов среды (модернизация, численность населения, избирательная система, ограничения на избирательное право, длительность демократического развития страны, отсутствие конкурирующих партий). 35% различий в уровнях централизации партий были объяснены при помощи таких факторов, как размеры страны, федерализм и особенности взаимоотношений между исполнительной и законодательной властью.

Как отмечалось выше, С.Элдерсвельд, М.Эпстейн, У.Киф и другие описывали обе главные партии США как крайне децентрализованные. Количественное кросснациональное исследование более чем ста партий подтвердило справедливость данного утверждения:

«Уровень централизации американских партий явно ниже, чем в Европе, и они бесспорно относятся к числу наименее централизованных в мире. Ни одна из попавших в выборку европейских партий не имеет более низкого показателя централизации власти, чем партии США. Более того, по выборке партий в общемировом масштабе ниже американских партий по этому показателю оказались лишь бланкисты и колорадцы в Уругвае — которые, как полагают некоторые ученые, являются скорее коалициями или группировками партий, — и прекратившая свою деятельность в 1962 г. Партия социального действия Чада» (Janaa 1980a: 355).

Однако то же самое исследование показало, что партии США отнюдь не лишены организационной сложности: «На самом деле, формальная структура американских партий не менее, если не более, сложна, чем у большинства других партий в мире» (с. 355). Со времени проведения исследования многие ученые пришли к выводу о том, что на общенациональном уровне американские партии становятся более профессиональными, активными и в какой-то степени — более централизованными (Hermson, 1990), но по мировым стандартам республиканцы и демократы все еще остаются крайне децентрализованными.

Рассматривая природу американских партий, У. Киф заметил, что «партии — в меньшей степени продукт собственных усилий, чем среды» (Keefe, 1991: 1). Ясно, что конституционная система США, а

в особенности - президентская система и федерализм, внесли свой вклад в возникновение сравнительно децентрализованных партий (Janda, 1992). Но как республиканцы, так и демократы претерпели известную эволюцию, адаптируясь к окружающей среде. Немалую помощь будущим исследователям организационной эволюции партий окажет вышедший под редакцией Р.Каца и П. Мэера справочник по индикаторам изменений, которые произошли с партиями с 1960 по 1990 г. (Katz и Mair, 1992). В справочнике, явившемся результатом кросснационального исследовательского проекта, предпринятого учеными из 12 стран Запада, содержатся организованные по временному ряду данные о численности партий, источниках финансирования, размерах партийного аппарата и т.д., а также детальная информация об изменениях в уставах партий и о динамике их взаимоотношений с другими общественными организациями.

Автономия

Автономию можно определить как структурную независимость партии от других институтов и организаций, действующих внутри или за пределами страны (Janda, 1980b: 91).¹⁷ Это понятие играет важную роль в работах Дж.Сартори (Sartori, 1976: 45-46) и А. Панебьянко (Panebianco, 1988: 55-58). По мнению последнего, партия автономна в той мере, в какой она независима от контролируемых другими организациями ресурсов, что соответствует тезису Ж.Лагруа (Lagroye, 1989: 364-365) о том, что партии — это элементы «системы организаций», каждая из которых подвержена изменениям, происходящим в ее части системы. Партии могут отказываться от своей автономии в пользу других секторов общества, которые обеспечивают им денежные средства, членов или лидеров. Структурные ограничения на автономию партий могут также быть следствием взаимоотношений с другими партиями страны или с зарубежными организациями. Некоторые исследования показывают, что факторы, способные подорвать автономию партий, по существу, не связаны между собой (Janda, 1980b: 152). По-видимому, автономии, как и доброго имени, можно лишиться разными способами.

Источники финансирования. В одной из своих ранних статей А.Хайденхаймер описывает сложности с получением данных, необходимых для сравнительного анализа источников партийных средств. Из партий восьми стран, изученных Хайденхаймером, только одна — Социал-демократическая партия Германии —

покрывала свои обычные расходы за счет индивидуальных взносов (Heidenheimer, 1963: 792-793). Это вполне согласуется с данными, показывающими, что лишь около четверти партий, существовавших в мире в 1950-х — 1960-х годах, полагались на собственные средства (формируемые, в основном, за счет партийных взносов) (Janda, 1980b: 92). Со времен, когда была опубликована работа Хайденхаймера, увидело свет относительно немного статей (особенно англоязычных) по сравнительному изучению источников финансирования партий.¹⁸ Тем не менее, несколько ценных исследований можно найти в сборниках научных трудов, посвященных выборам и финансированию избирательных кампаний (см., в частности, Alexander, 1989a; Levush, 1991). Преимущественное внимание в этих исследованиях уделено наблюдаемой на Западе тенденции к государственному финансированию партий (Paltiel, 1980; 1981). В 18 из 21 изученной Г.Александром страны такая практика была введена после 1960 г. (Alexander, 1989b: 14). В результате значение членских взносов снизилось. Последствия государственного финансирования партий неоднозначны. К.Стром (Strom, 1990a: 579-581) выдвинул теорию, согласно которой государственное финансирование увеличивает независимость партийных лидеров от активистов, в то время как Дж.Шлезинджер (Schlesinger, 1991: 25) полагает, что оно способствует бюрократизации партий. Проведенное К.-Х.Нассмахером (Nassmacher, 1989) исследование государственных субсидий партиям Австрии, Италии, Швеции и Западной Германии, похоже, подтверждает обе гипотезы. Дж.Мендилоу в своем исследовании политических партий Израиля и других стран делает вывод о том, что государственное финансирование «способно вызвать фундаментальные сдвиги, ведущие к изменению структуры всей партийной системы» (Mendilow, 1992: 113). Один из важнейших сдвигов такого рода — «подчинение местных организаций штаб-квартире и высшему руководству партии» (с. 112). Государственное финансирование способствует идеологизации новосозданных партий (по крайней мере, так обстоит дело в Израиле) и, кроме того, партии легко к нему привыкают и уже не могут без него обходиться.

Источники пополнения. Дюверже проводил различие между «прямым» и «непрямым» членством в партии, имея в виду разницу между добровольным вступлением в партию и членством, вытекающим из участия в какой-то другой организации — например, в профсоюзе (Duverger, 1963: 6). Это — важное различие, ибо партии с непрямым членством, вроде Лейбористской партии

Великобритании, менее автономны, чем партии, состоящие только из индивидуальных членов. Тем не менее в 1960 г. менее 10 % существовавших в мире партий допускали не прямое членство, в то время как около 20 % вообще не практиковали формальной процедуры приема в партию (Janda, 1980b: 93). Поскольку данные о численности партий часто недостоверны или вовсе отсутствуют, К.Лоусон рекомендовал уделять большее внимание количеству голосов, полученных партией на выборах, чем декларируемому ею количеству членов (Lawson, 1976: 93). Кроме того, в качестве формы присоединения к партии можно рассматривать партийную идентификацию или «приверженность» (Richardson, 1991). Осуществление подобного рода исследований в Европе облегчается в связи с тем, что там на протяжении вот уже двух десятилетий проводятся опросы Евробарометра, результаты которых, пусть и не без некоторых сложностей, могут служить источником данных для лонгитюдных сравнительных исследований (Katz, 1985). Так, исследовав ситуацию в ряде европейских стран, Г.Шмитт (Schmitt, 1989) обнаружил, что с 1974 по 1989 г. число людей, чувствовавших себя «близкими» к той или иной партии, в нескольких странах сократилось. Правда, в других странах эта тенденция проявилась менее отчетливо, а в Германии количество сочувствующих партиям даже слегка возросло. Формальное членство в партии будет рассмотрено чуть ниже, в разделе о вовлеченности.

Источники руководства. Для обозначения группы руководителей, контролирующих основные властные ресурсы партийной организации, А.Панебьянко использует термин «доминирующая коалиция» (Panebianco, 1988: 38). В 1960 г. лидеры более чем четверти партий были в своем большинстве выходцами из одной социальной группы, что свидетельствует о неавтономности данных партий (Janda, 1980b: 94). К.Лоусон (Lawson, 1976) проанализировал составы руководства партий в трех странах, однако в целом данная проблематика не привлекла особого внимания компаративистов. Никто не отрицает важной роли руководства, особенно в эволюции партий (Wilson, 1980: 542 — 544), но ясно и то, что его крайне сложно исследовать строго научными методами.

Отношения с партиями внутри страны М.Дюверже выделил три типа «альянсов», основанных на межпартийном сотрудничестве: предвыборные, парламентские и правительственные (Duverger, 1963: 330-351). Предвыборные альянсы в наименьшей степени подрывают автономию партий, а правительственные — в наибольшей. Партии — «сателлиты» коммунистов в странах Восточной Европы

представляли собой наиболее яркий пример утраты автономии (Fischer-Galati, 1979), но эта тема почти не привлекала внимания специалистов.¹⁹ Несмотря на то, что исследования межпартийных альянсов можно вести по нескольким измерениям (Gilberg, 1989; Kolinsky, 1987), упор, как правило, делался на изучение правительственных коалиций в парламентских демократиях (Pridham, 1986; Laver и Schofield, 1990). Литература о коалициях, во многом опирающаяся на теорию рационального выбора, будет рассмотрена ниже. Сейчас стоит затронуть лишь вопрос о том, ограничивает ли автономию партии возможность вступления в коалицию, и связанное с ним понятие «релевантной» партии. «Релевантной» Дж.Сартори называл партию, обладающую «коалиционным» или же «шантажным потенциалом» (последним располагают антисистемные партии, а также партии, способные блокировать достижение политических соглашений), что позволяет ей «воздействовать на тактику межпартийной конкуренции» (Sartori, 1976: 123; см. также Herzog, 1987). Я.Бадж и Г.Кеман сформулировали теорию о воздействии антисистемных партий на партийное поведение (Budge и Keman, 1990: 44), а Р.Хофферберт и Г.-Д.Клингеманн выдвинули тезис, что Свободная демократическая партия Германии оказалась в состоянии выступать в качестве «политического маятника», именно благодаря своему шантажному потенциалу (Hofferbert и Klingemann, 1990).

Отношения с зарубежными организациями. Многие, хотя и не все, партии вступают в отношения с международными объединениями партий или иностранными правительствами, что может негативно сказываться на уровне их автономии. Особенно отчетливо это прослеживается на примере коммунистических партий, но наблюдается и в деятельности социалистов (Pelinka, 1983: 108-124), христианских демократов (Irving, 1979) и либералов (Hrbek, 1988). Все перечисленные направления имели собственные международные организации и проявляли ту или иную степень солидарности в международных органах (Pridham и Pridham, 1981). Наиболее известный исследователь таких «транснациональных» партий — Р.Голдман (Goldman, 1983). По мере укрепления Европейского Сообщества значение данной проблематики, бесспорно, возрастает. Предметом исследований стало, например, соперничество партий, оспаривавших места в Европейском парламенте на первых прямых выборах этого органа в 1989 г. (Eijk и Orpenhuis, 1991).

Согласованность

Понятие «согласованность» было введено в сравнительную политологию С.Хантингтоном (Huntington, 1965: 403-405) и разработано Л.Андерсоном (Anderson, 1968: 396-397) для изучения партий, действующих в штатах и на местном уровне. В сравнительном анализе под согласованностью понимается «степень соответствия между установками и *поведением* членов партии» (Janda, 1980b: 118). «Поведение» подчеркнуто потому, что кросснациональные исследования установок членов и активистов партий — в отличие от избирателей — крайне немногочисленны. К числу проектов такого рода относится «Проект по европейским партийным элитам среднего уровня», в рамках которого были опрошены активисты — участники более чем 65 общенациональных партийных конференций. Проект охватил почти все страны Европейского Сообщества (Niedermayer, 1986). Большая часть его результатов была опубликована по-немецки. В публикациях, как правило, обсуждался вопрос о представленности различных социальных групп в составе партийных элит (Niedermayer и Schmitt, 1983). Однако, поскольку элиты среднего уровня анализировались участниками проекта в отрыве от других аспектов партийной организации, это колоссальное исследование было подвергнуто критике со стороны ряда ученых (Pierre, 1986).²⁰ Как бы то ни было, работ такого рода очень мало (но см. Dalton, 1985) и именно потому, что для изучения степени соответствия между установками членов и активистов партий требуются действительно огромные усилия. Гораздо легче изучать проблему на поведенческом уровне, более открытом для наблюдения.

Сплоченность. Сплоченность, понимаемую как уровень единства членов партии при голосованиях в законодательных органах, изучать нетрудно, и в США поведение законодателей стало темой огромного количества работ. Несмотря на то, что подобные данные публикуются и в других странах, кросснациональных исследований по этой проблематике не так уж много, хотя многие ученые решали задачу на материале отдельных стран (Collie, 1985). Удивительно мало внимания уделяется и воздействию организационных особенностей партии на ее сплоченность, хотя М.Дюверже уже давно сформулировал гипотезу, что «контроль партии над ее парламентскими представителями» является следствием «общей структуры партии и ее общей ориентации» (Duverger, 1963: 202). Рассуждение Дюверже можно переформулировать в виде трех гипотез: партия является тем более сплоченной, чем более она централизована, чем более левой идеологии она придерживается и

чем более крайние идеологические позиции она занимает.

Э.Озбудун (Ozbudun, 1970) предпринял наиболее последовательную попытку сравнительного изучения сплоченности партий. Он и другие ученые (Turner и Schneier, 1970; Loewenburg и Patterson, 1979) привлекли для объяснения сплоченности шесть внешних факторов: наличие президентской формы правления, федерализм, мультипартийность, идеологическую поляризацию, одномандатные избирательные округа, эффективность законодательных органов. Однако, как удалось обнаружить нам с Р.Хармелем (Harmel и Janda, 1982), 32% различий между уровнями сплоченности партий поддаются объяснению с помощью всего лишь двух факторов — характера взаимоотношений между законодательной и исполнительной властью и эффективности законодательных органов. Наше исследование подтвердило тезис Л.Эпштейна о том, что низкий уровень сплоченности американских партий по сравнению со всеми остальными объясняется прежде всего действующей в стране системой разделения властей (Epstein, 1980: 315- 350).

Фракционность. Есть и другой аспект сплоченности партий на поведенческом уровне — фракционность. В основополагающей статье Р.Зариски фракция определяется как «внутрипартийное объединение (клика или группировка), члены которого имеют чувство общности и единства цели и организованы таким образом, что коллективно действуют как отдельный блок внутри партии для достижения своих целей» (Zariski, 1960: 33).²¹

Дж.Сартори (Sartori, 1976: 76-79) предложил классификацию фракций, исходя из их целей (власть или должности) и принципов (идеологии или идеи). При другом подходе выделяются 4 типа фракционности — фракционность, обусловленная (а) идеологическими расхождениями, (б) расхождениями по конкретным вопросам, (в) расхождениями по вопросам стратегии и (г) связанная с борьбой за руководство (Janda, 1980b). В ходе анализа более чем ста партий по каждому из этих четырех показателей оказалось, что идеологическая основа фракций несколько более распространена, чем прочие, но при этом выяснилось, что все виды фракционности связаны между собой: если в какой-то партии обнаруживались идеологические фракции, то присутствовали и фракции, ведущие борьбу за руководство.

В большинстве теоретических исследований фракционность выступает как зависимая переменная. Ф.Беллони и Д.Беллер выпустили сборник статей под своей редакцией, целью которого было описание и объяснение фракционности (Belloni и Beller, 1978).

В опубликованной в сборнике статье Р.Зариски перечисляется «дюжина наиболее логичных и общепринятых обобщений по поводу фракционности» (Zariski, 1978: с. 32). Сам же автор связывает фракционность с такими внешними факторами, как, например, характер избирательной системы. Тем не менее в своей заключительной статье Беллони и Беллер обуславливают фракционность еще и «сложностью социального состава партии; неопределенностью ее идеологической ориентации; возникновением партии в результате слияния нескольких организаций [т.е. условиями ее возникновения — К. Дж.]; внутрипартийной свободой и децентрализацией» (с. 435).

Беллони и Беллер почти не рассматривали фракционность как независимую переменную. Тем не менее фракционность является одной из основных причин слабой сплоченности электората и уже потому должна быть интегрирована в любую теорию партийного правления. Воздействие фракционности на сплоченность партий ясно прослеживается в политической жизни США. До тех пор, пока примерно с 1970 г. не началась идеологизация избирателей южных штатов, демократы Юга и Севера страны часто противостояли друг другу во время голосований в Конгрессе. С этого момента сплоченность партий, измеряемая по методике «Ежеквартальника Конгресса» (Congressional Quarterly), стала неуклонно возрастать. По мнению Б.Синклера, этот феномен объясняется усилением идеологической однородности Демократической партии (Sinclair, 1990: 241-242). Наконец, взятые вместе фракционность и сплоченность (т.е. согласованность в целом) чрезвычайно важны для теории коалиций, которая до сих пор — за немногими исключениями (Luebbert, 1986; Laver и Shepsle, 1990) — склонна рассматривать партии как монолитные единицы (Laver и Schofield, 1990: 17-20). Д.Брэди и Ч.Баллок в своем обзоре литературы по фракциям и партиям в законодательных органах, написанном с точки зрения специалистов по поведению законодателей, отмечают, что «нужно еще проделать большую работу» по изучению связей между представленными в парламенте партиями и внешними условиями, а также взаимоотношений «между степенью фракционности парламентских партий и способами распределения ответственности и власти между ними» (Brady и Bullock, 1985).

Вовлеченность

В основном разделе своей книги М.Дюверже уделил немало внимания понятиям членства в партии, степени участия в партийных делах и природе этого участия. По отдельности эти темы

продолжали привлекать многих исследователей, однако попытки их интеграции увенчались лишь ограниченным успехом. Я полагаю, что все же лучше обсуждать их вместе, как аспекты «вовлеченности». Данное понятие можно определить следующим образом: глубина психологической идентификации с партией и стремление способствовать достижению ее целей путем участия в партийной работе (Janda, 1980b). Союз «и» здесь подчеркнут именно для того, чтобы провести различие между простой идентификацией с партией и участием в партийных делах, требующим той или иной степени активизма (иными словами, недостаточно только голосовать за партию). В сравнительной политологии уровни вовлеченности измеряли с помощью нескольких типов переменных: строгости требований к членам партии, участия рядовых членов партии в ее деятельности, материальных и целевых стимулов к такому участию. Исследования показали, что все эти переменные взаимосвязаны и могут быть сведены воедино на «шкале вовлеченности» (Janda, 1980b).²²

Членство. В американском контексте понятие членства в партии практически бессмысленно (Schlesinger, 1991: 152), но оно является важным для сравнительного анализа. Как заметил М.Дюверже, роспись в ведомости о приеме в партию одновременно символизирует и упрочивает преданность партии (Duverger, 1963: 71). Для Дюверже понятие «человека с партийным билетом» отражало его представления о современной массовой (как правило, левой) партии. Ученый ввел понятие «коэффициент членства» — отношение числа членов партии к числу голосующих за нее избирателей — и размышлял о его значении, но в действительности так и не разработал последовательную теорию (с. 94). П.Меркл провел сравнительный анализ членов партии, ее избирателей и лидеров (Merkl, 1980), а С.Бартолини проанализировал данные по численности партий и коэффициентам членства на протяжении длительного отрезка времени. Бартолини выдвинул ряд гипотез (например, о том, что членство в партии более стабильно, чем голосование за нее), проверил их на материале социалистических партий дюжины европейских стран и пришел к выводу, что степень соответствия этих гипотез истинному положению дел была выше до войны, чем в послевоенный период. Исследователь пришел к заключению, что Дюверже основывал свои построения в основном на устаревших данных и преувеличивал как современную роль, так и перспективы массовых партий (Bartolini, 1983: 119, 213). В противоположность Бартолини, пессимистически оценивавшему будущее политических партий в современном мире, П.Селле и

Л.Свосанд в своем исследовании, выполненном десятилетие спустя и основанном на данных по более протяженному временному ряду, обнаружили, что «общие данные по численности западноевропейских партий не выказывают тенденции к уменьшению» (Selle и Svaasand, 1991: 460). Тем не менее Р.Кац, подсчитывая отношения численности партий к численности избирателей, выявил такую тенденцию в 20 из 29 партий с 1945 по 1984 г. (Katz, 1990: 149). Поскольку же рядовые члены играют сдерживающую роль по отношению к лидерам, Кац заключает, что формальное членство утратило свою привлекательность и для тех, и для других. А это, по мнению исследователя, заставляет задуматься о том, продолжают ли партии выступать как канал связи между элитой и массами (с. 158 — 159). К скептическому ответу на этот вопрос склоняется и К.Лоусон (Lawson, 1980: 21-22). Однако проведенное Р.Долтоном исследование 742 кандидатов, представлявших политические партии на выборах в Европейский парламент в 1979 г., позволяет прийти к иному выводу относительно степени соответствия между политическими установками лидеров и рядовых членов партии (опрошенных в том же самом году). В целом, Долтон обнаружил, что «существует высокая степень согласованности между взглядами европейской общественности и элит», причем, как полагает ученый, это в значительной мере объясняется именно «активной взаимосвязью между избирателями и партиями» (Dalton, 1985: 293).

Стимулы. Вопрос о стимулах, привлекающих партийных активистов (или, говоря словами Дюверже, о «природе» участия) независимо от того, признают ли партии формальное членство, изучен довольно хорошо. Первыми к анализу данной проблематики обратились П.Кларк и Дж.Уильсон, которые провели различие между «материальными» (экономическими), «целевыми» (собственно политическими) и «солидарными» (социальными) стимулами как факторами, мотивирующими участие в любых организациях. Если говорить о партиях, то там эти стимулы выражаются в форме стремления к достижению личной выгоды, к проведению в жизнь партийной программы или к общению и развлечению (Clark и Wilson, 1961). Ранние эмпирические исследования, особенно в США, задавались целью установить, какие из названных факторов преобладают. Уильсон высказал мысль, что активисты «профессиональных» партийных организаций (т.е. организаций, контролирующих политическую жизнь данной местности) руководствуются в основном материальными стимулами, в то время как участие в «любительских» организациях имеет, как правило,

«целевую» мотивацию (Wilson, 1962). Однако проведенное Дж. Брюсом, Дж. Кларком и Дж. Кесселем исследование лидеров Республиканской и Демократической партий на уровне округа, активно участвовавших в президентской кампании 1988 г., показало, что в обеих партиях доминировала целевая ориентация «истинно верующих» (Brace, Clark и Kessel, 1991).

В своей получившей широкую известность статье У. Райт развил предложенное Уильсоном различие, сформулировав концепцию «рационально-эффективной» и «партийно-демократической» моделей политических партий (Wright, 1971: 6-7). Американские партии — скорее рационально-эффективные: главная их забота состоит в том, чтобы получать голоса и выигрывать выборы. Напротив, традиционные европейские социалистические партии «в большей мере ориентированы на специфическую политику, идеологизированы и озабочены определением политической линии» (с. 7). Райт полагает, что во многих конкретных партиях представлены обе эти модели в том или ином соотношении. Отсюда его утверждение, что «развитию исследовательской теории и практики мешает слепая приверженность одной из моделей» по принципу «или — или» (с. 7).

В последние годы дискуссия о стимулах к участию в партийной деятельности привела к возобновлению интереса к различию между лидерами и рядовыми партийцами, когда-то положенному в основу михельсовского «железного закона олигархии». Теория Михельса в доступной форме объясняла, каким образом лидеры утверждают собственную власть за счет интересов своих сторонников (Michels, 1962).²³ Этот подход вновь проявился в допущении теории рационального выбора о том, что лидеры стремятся к «должностям», приобретаемым *только* путем победы на выборах, в то время как активисты преследуют «выгоды», которые не обязательно вытекают из такой победы (Schlesinger, 1991: 138). С точки зрения Шлезинджера, который видит в лидерах людей, стремящихся исключительно к должностям, Райт абсолютно неправ: существуют не «различные виды партий, а одинаковые партии, противоречия внутри которых вызываются конфликтующими стремлениями к должностям и выгодам». А эти стремления неравномерно распределяются между лидерами и активистами (с. 145). Дж. Мэй (May, 1973) предложил термин «криволинейное несоответствие» для отображения ситуации, когда представления высшего руководства и рядовых членов партии о ее целях совпадают, в то время как руководители среднего уровня придерживаются иных позиций. Проведенный Г. Китшельтом анализ «криволинейного несоответствия между политическими стимулами избирателей,

активистов и лидеров партий» (Kitschelt, 1989: 401) показал, что такое несоответствие наблюдается главным образом в двухпартийных системах, причем «криволинейность как микрополитическая характеристика партийной организации» реже всего проявляется в континентальной Европе (с. 421).

Наиболее сложным для изучения проблемы стимулов остается поставленный Шлезинджером вопрос о том, являются ли эти стимулы индивидуальными или групповыми. По мнению Дж.Шлезинджера, Э.Даунс полностью ошибается, рассматривая в соответствии со своим определением партии как команды, стремящейся к приобретению должностей посредством выборов, подобные амбиции как присущее партии в целом, а не отдельным активистам. С точки зрения ученого, такой подход не позволяет правильно понять партийную организацию (Schlesinger, 1991: 36). Понятие партийной стратегии оказалось в фокусе исследований У.Райта именно вследствие того, что внимание ученого переместилось с мотивационных оснований (стимулов) отдельных активистов к целям партий как таковых.

Стратегия и тактика

Ранее я уже высказывался в пользу широкого определения партий, включающего как сдерживающие и подрывные, так и «состязательные» организации. Вместо того чтобы классифицировать партии по используемым ими стратегиям, можно рассматривать саму стратегию как переменную. Например, Французская коммунистическая партия, которая участвовала в выборах и на протяжении 1950-х годов выигрывала до четверти голосов, в то же время выступала как антисистемная партия, прибегавшая к забастовкам и уличным шествиям для дестабилизации правительства. Таким образом, стратегию партии можно описать как смешанную — главным образом состязательную, но в известной мере и подрывную. Стратегия правящей Институционально-революционной партии Мексики была в основном состязательной, однако в то же время сдерживающей ввиду препятствий и даже попыток контроля, с которыми сталкивалась оппозиция. Исследование 150 партий, действовавших во всем мире в 1960 г., показало, что лишь около половины из них придерживались сугубо состязательной, 11 % — сугубо сдерживающей и 3 % — подрывной стратегии; стратегии оставшейся трети партий имели смешанный характер (Janda, 1980b: 78-90). Понятие о смешанных стратегиях согласуется с представлением У.Райта (Wright, 1971) о том, что состязательные

партии сочетают элементы «рационально-эффективной» и «партийно-демократической» моделей. Нам предстоит убедиться, что подход к партийной стратегии как к переменной открывает новые перспективы для анализа поведения состязательных партий с помощью теории рационального выбора. Поскольку теория партийной стратегии наиболее развита именно в применении к состязательным партиям и, кроме того, большинство существующих в мире партий используют полностью или преимущественно состязательные стратегии (68 % в 1960 г.), ниже будут обсуждаться лишь стратегии состязательных партий.

Состязательные стратегии Основополагающую работу Э.Даунса (Downs, 1957) часто рассматривают в контексте пространственной теории голосования, однако ее роль в развитии теории партий не менее существенна. Дауне исходил из допущения, что партии стремятся не только к приобретению должностей, но и к увеличению числа поданных за них голосов (с. Л, 31). Как доказывал ученый, партии формулируют свои политические цели, чтобы выиграть выборы, а не выигрывают выборы, чтобы формулировать цели. Отсюда следовал вывод, что в двухпартийных системах (при распределении предпочтений избирателей вдоль какой-то одной шкалы) партии будут выбирать позиции, «сдвигающие» их ближе к центру шкалы. Тем самым предлагалось изящное объяснение центристской двухпартийной системы, существующей в США. Даунсовская модель партии, стремящейся к максимизации количества поданных за нее голосов, получила особое признание среди теоретиков американских партий вроде Дж.Шлезинджера (Schlesinger, 1991: 143). В сравнительных исследованиях, однако, большей популярностью пользовалась модель, разработанная У.Райкером. Как и Дауне, Райкер считал, что партии стремятся к приобретению должностей, однако им не приписывалось стремление к максимизации числа голосов (см. также Wellhofer, 1990). Напротив, Райкер исходил из допущения, что цель партий — побеждать на выборах с наименьшим возможным перевесом, что побуждает их образовывать «минимальные выигрышные коалиции» (Riker, 1962: 32-33).²⁴

Особая важность работ Райкера для развития теории партий вытекает из того, что его выводы применимы и к формированию правительственных коалиций в парламентах. В теории коалиций принято рассматривать партии как организации, стремящиеся к приобретению должностей, а не голосов.²⁵ Нацеленные на проверку этой теории исследования показали, что минимальные выигрышные коалиции (фиксируемые по размерам парламентского большинства или по количеству партий) возникают менее чем в половине случаев

(De Swaan, 1973; Dodd, 1976; Browne и Dreijmanis, 1982). Л.Додд пришел также к выводу, что минимальные выигрышные коалиции устойчивее других, однако Б.Грофман (Grofman, 1989) оспаривает это заключение, утверждая что феномен объясняется скорее спецификой партийных систем. Наиболее тщательное нематематическое исследование в области теории коалиций было осуществлено М.Лейвером и Н.Шофилдом. Ученые сравнили (используя разнообразные критерии) минимальные выигрышные коалиции с идеологически «связанными» минимальными выигрышными коалициями; с коалициями, в которых политические предпочтения участников учитываются иными способами; а также с коалициями, при формировании которых соблюдается принятый в теории игр принцип «средоточия» оптимальных для участвующих партий позиций по политическим вопросам. Вывод, к которому пришли Лейвер и Шофилд, состоит в том, что хотя даже самые лучшие теории, в которых не учитываются политические установки, «чаще служат основой для неправильных, чем для правильных прогнозов о возникновении коалиций (правильные предсказания даются лишь в 40% случаев отсутствия абсолютного парламентского большинства), их прогностическая ценность все же ощутимо выше, чем у случайных предсказаний» (Laver и Schofield, 1990: 96). Подобно Лейверу и Шофилду, Я.Бадж и Г.Кеман проанализировали результаты эмпирических исследований, исходивших из представления о стремлении партий исключительно к приобретению должностей, и обнаружили, что это представление подтверждается данными лишь при условии, что коалиции рассматриваются как идеологически «связанные» (Budge и Keman, 1990). Сходные результаты дает и исследование М.Франклина и Т.Маки, свидетельствующее о значении учета идеологии для предсказания того, какие коалиции будут сформированы. Нужно, однако, видеть, что при этом исходное допущение модифицируется: партии выступают как стремящиеся не только к приобретению должностей, но и к проведению определенной политики (Franklin и Mackie, 1984: 17-19). Не ограничившись анализом теорий, полностью отвлекающихся от политических установок, Бадж и Кеман проанализировали прогностическую ценность теорий, ставящих во главу угла близость политических позиций участников коалиции, и выяснили, что она не выше, чем в первом случае. Собственная теория Баджа и Кемана имеет смешанный характер: партии стремятся к приобретению должностей как средства проведения определенной политики (Budge и Keman, 1990: 31). В весьма интересной статье К.Строма выделяются и оцениваются три чистых типа стратегии: стремление к увеличению количества

поданных за партию голосов, к приобретению должностей и к проведению определенной политики. На этой основе ученый формулирует* семь гипотез о воздействии институциональных характеристик на поведение соревновательных партий, например:

«1. Чем напряженнее межпартийное соревнование (т.е. чем менее очевидны результаты выборов), тем в большей мере партии будут стремиться к увеличению количества поданных за них голосов...

7. Чем более выгодно правящей партии и оппозиции приобретение должностей по сравнению с проведением отстаиваемой политики, тем в большей мере партии будут стремиться к приобретению должностей» (Strom, 1990a: 588-589).

На основе своих представлений о внутренней организации партий Стром разработал две модели причинности, объясняющие смешанные стратегии состязательных партий.

В поэтически озаглавленной книге «Бумажные камни»²⁶ А.Пржеворски и Дж.Спраг пишут о стратегическом решении, которое должны принимать демократические социалистические партии под воздействием следующей дилеммы: «Социализма не достигнуть без участия в институтах демократии, но такое участие подрывает волю к социализму» (Przeworski и Sprague, 1986: 2). Ученые отмечают, что доля занятого по найму в промышленности населения никогда и нигде не превышала 50%. Поскольку же социалистические партии также обычно не получали больше 50% голосов на выборах, им нужно было добиться поддержки со стороны непролетарских слоев населения. Но «в результате социалистическим партиям приходится затушевывать идеологическую роль класса, а это ослабляет мотивацию рабочих» (с. 45). Пржеворски и Спраг провели тщательный количественный анализ последствий использования чисто «классовых» и «надклассовых» стратегий социалистическими партиями семи стран. Ученые пишут, что «широта выбора, с которым сталкивается партия при определении своего курса, прямо зависит от разницы между долями голосов, результирующими из применения чистых стратегий» (с. 106). Как показало исследование, в большинстве случаев — особенно в Дании и Норвегии — с самого начала оказалась более выгодной надклассовая стратегия. Хотя такая стратегия может стоить социалистической партии какой-то части голосов рабочих, в целом она ведет к положительному балансу голосов.

Состязательная тактика. В военном деле под стратегией подразумевают план достижения цели, а под тактикой — действия, предпринятые для реализации стратегии. Сходным образом,

партийной тактикой называют Деятельность партии по достижению стратегических целей. Объем кросснациональных исследований, посвященных состязательной тактике партий, сравнительно невелик. Г.Пеннимэн (Penniman, 1981) изучал стили избирательных кампаний. Д.Фарелл и М.Уортманн исследовали деятельность партий трех стран по «политическому маркетингу» — приданию кандидатам «товарного вида» и использованию средств массовой информации (Farrell и Wortmann, 1987). Исследование Ш.Баулера (Bowler, 1990) посвящено воздействию внутрипартийных дискуссий по отдельным вопросам на избирателей. Д.Сэйнсбери, под редакцией которой вышли материалы симпозиума по партийным стратегиям и взаимосвязям между партиями и избирателями в нескольких странах, отмечает, что партии сталкиваются с дилеммой — «сокращение числа членов партий уменьшает их способность к мобилизации избирателей и структурированию результатов голосования, в то время как недостаточно широкое участие граждан в деятельности партий ведет к несовпадениям между общественным мнением и политическими решениями партий» (Sainsbury, 1990: 6).

Правительственный статус

Понятие «правительственный статус» отражает природу и степень участия партии в общенациональной политике. Выявление правительственного статуса партий осуществляется в ходе анализа их электоральной мощи и политического значения.²⁷ Руководствуясь тезисом о том, что партии прежде всего стремятся к увеличению количества поданных за них голосов, и учитывая специфику президентской системы правления, американские ученые измеряют влияние партий долей голосов, полученных ими на выборах, и контролем над исполнительной властью. Для европейских ученых, придерживающихся представления о стремлении партий преимущественно к приобретению должностей и живущих в условиях парламентской системы, на первый план выходят процентные доли мест в парламентах и участие в правительствах, т.е. распределение министерских портфелей. Как отмечают Я.Бадж и Г.Кеман, «оценки, которые дает теория, исходящая из преимущественного стремления партий к приобретению должностей, касаются главным образом формирования правительственных коалиций именно потому, что здесь применимость этой теории наиболее очевидна и широка» (Budge и Keman, 1990: 15). К.Стром еще более определенно говорит о том, что понятие «стратегического взаимодействия», имеющее принципиальное значение для теории коалиций, просто

неприменимо к двухпартийным системам (Strom, 1990a: 586).

Электоральный успех. В теории партий показатели электорального успеха иногда используются как зависимые переменные при определении эффективности партийных организаций. Несмотря на распространенное среди ученых мнение о том, что характер организации мало сказывается на способности партии привлекать голоса избирателей, практикующие политики думают иначе. Расширение и укрепление общенациональной организации Республиканской партии США, особенно в области финансирования избирательных кампаний, преследовало цель «выигрывать выборы и увеличивать количество полученных должностей» (Sorauф и Wilson, 1990: 199). Точно так же отмечавшееся выше и зафиксированное Дж.Гибсоном и его соавторами (Gibson et al., 1989) укрепление партийных организаций США на местном уровне было направлено на увеличение, а не на сокращение их эффективности. Р. Хакфельдт и Дж.Спраг задаются риторическим вопросом: «Если партийная работа до такой степени неэффективна, то почему партии продолжают тратить на нее свои ресурсы?» (Huckfeldt и Sprague, 1992: 84). Проведенное учеными детальное исследование партийной мобилизации в одной из американских территориальных общин подтвердило, что значение партийной деятельности не исчерпывается воздействием на отдельных избирателей, что она одновременно выполняет «функции катализатора». «Партийные организации мобилизуют энтузиастов, а их активность влияет на всех остальных» (с. 84).

Как уже говорилось, одно из исследований показало, что централизованным партиям проще донести свои идеи до избирателей (Dalton, 1985). Другие ученые заметили тенденцию к росту организованности и централизации некоторых консервативных партий Европы, когда те перешли к новым приемам ведения избирательных кампаний, связанным с использованием средств массовой информации и опросов общественного мнения. Предпринятые в порядке противостояния массовым организациям левых партий, эти меры подтолкнули левые партии к аналогичным действиям — т.е. произошло своего рода «заражение справа» (Erstein, 1980: 257). К.Дешауэр задался целью определить, какой тип партийной организации наиболее перспективен независимо от национального контекста. Ученый провел различие между «электоральной эффективностью», измеряемой количеством полученных голосов, и «политической эффективностью», измеряемой участием и руководящим положением в правительстве. Соотнося эти показатели с различными показателями партийной

организации и характеристиками среды, Дешауэр пришел к выводу о справедливости «обусловленно-зависимой» модели организации: оптимального способа нет, ибо эффективность зависит прежде всего от факторов среды (Deschower, 1986).

Участие в правительстве Понятие правительственного статуса гораздо чаще, однако, используется как независимая переменная при изучении воздействия партий на политику правительства в условиях партийного правления (Wildemann, 1986; Katz, 1987). Всплеск исследовательской активности на данном направлении произошел в конце 70-х годов. В этот период правительственный статус партии, как правило, рассматривался вкуче с ее идеологическими установками (малые партии обычно не брались в расчет; см. Muller-Rommel и Pridham, 1991). К.Хьюитт (С. Hewitt, 1977) на материале 25 индустриальных стран Запады выявил корреляцию между парламентским представительством социалистических партий и объемами расходов на социальные нужды. Как показало затронувшее 12 стран исследование Д.Гиббса, чем дольше социалистические партии участвовали в правительствах с 1960 по 1969 годы, тем более низкие уровни безработицы и более высокие уровни инфляции наблюдались в соответствующих странах (Hibbs, 1977).²⁸ Прделанный Д.Камероном анализ государственных расходов в 18 странах продемонстрировал, что «господство левых партий в правительстве есть достаточное условие относительно более активной роли государства» (Cameron, 1978: 1253). В двух статьях Э.Кауэрта оценивается правление социалистических партий в семи странах. Ученый заключает, что левые правительства более готовно, чем правые, реагируют на изменение экономических условий, прибегая при этом к более разнообразному политическому инструментарию (Coward, 1978a; 1978b).

Под редакцией Ф.Каслса вышел в свет важный сборник научных трудов о воздействии партий на политическую линию в демократических странах. Используя различные показатели участия левых и правых партий в парламентах и правительствах для анализа правительственных расходов в 18 странах, сам Каслс пришел к выводу, что «наилучший из таких показателей обычно позволяет объяснить от 20 до 50 % различий в объеме расходов» (Castles, 1982: 85). Другие работы, опубликованные в сборнике, свидетельствуют о более слабой роли партий. Исследование М.Шмидта (Schmidt, 1982), посвященное макроэкономической политике — налогам, безработице и инфляции, — заставляет усомниться в значении партийного контроля.

Ученый склоняется к поиску объяснений во «внепарламентской»

политике. В других статьях подвергается сомнению роль левых партий в процессе перераспределения доходов, если участвующие в соответствующих переговорах представители профсоюзов не разделяют целей партии (Armingeon, 1982: 269); пересматривается и роль самих профсоюзов (Arnhem и Schotsman, 1982). Короче говоря, позднейшие исследования не подтверждают сделанного ранее заключения о связи между правительственным статусом левых партий и правительственным курсом. Неоднозначные результаты этих исследований обсуждаются в ряде работ (см. Lehner и Schubert, 1984; Weede, 1990).

Я.Бадж и Г.Кеман внесли вклад в разработку проблемы партийного влияния на политику, рассматривая по отдельности случаи однопартийного и коалиционного правительства. Ученые в теоретически последовательном виде формулируют систему из четырех основных и нескольких дополнительных допущений (Budge и Keman, 1990: 42), на которых строятся выводы о правительственной политике. К примеру:

«(iv) Каждая из партий, участвующих в правительстве, будет проводить в жизнь какие-то из предпочтительных для нее политических мер: например, правительства с участием аграрной партии будут проводить более благоприятную для фермеров и сельского населения политику, чем правительства, в которых аграрная партия не представлена... (Допущения 2, 3(с)).

(v) способность партии проводить предпочтительную для нее политику в определенной сфере определяется ее контролем над соответствующим министерством (Допущения 1, 2, 3; Таблица 2.2)» (с. 50-51).

Бадж и Кеман проверили свою теорию на материале 20 стран Запада и обнаружили, что она не противоречит опыту послевоенного развития. Проведенный учеными анализ коалиционных правительств привел их к заключению, что «партии оказывают сильное и даже решающее влияние на процесс принятия правительственных решений» (с. 158). Тем самым была вновь подтверждена эмпирическая достоверность позиции, согласно которой «партии имеют значение». И все же реальными единицами анализа для Баджа и Кемана оставались правительства, а не партии.

Изучение воздействия отдельных партий на политику требует повышенного внимания к их предвыборным манифестам и платформам, ибо только таким образом можно сравнить обещания партий с политикой, которую они в действительности проводят, когда получают соответствующую возможность. Исследования такого рода проводились на материале США (Pomper и Lederman, 1980) и Великобритании (Rose, 1984). Кросснациональных

исследований по этой сложной проблеме мало. Существуют, однако, две сходные по содержанию работы Р. Хофферберта. Обе работы основаны на данных, полученных в ходе реализации проекта Европейского консорциума по политическим исследованиям, направленного на изучение партийных манифестов, но в одной из них воздействие партий на правительственную политику оценивается на опыте США (Budge и Hofferbert, 1990), а в другой — на опыте Германии (Hofferbert и Klingemann, 1990). Оказывается, что в обоих случаях партиям удается воздействовать на политику правительства, причем в США такое воздействие связано прежде всего с получением представителем партии президентского поста, в то время как в Германии влияние осуществляется через приобретение министерских постов. Как предупреждают Р.Хоффеберт и Г.-Д.Клингеманн, «сравнительные исследования политики, обычно использующие грубые показатели партийного контроля, явно нуждаются в уточнении и корректировке»: «противопоставление обязательств одной группы коллективных акторов (левых или правых партий) другой и попытки выявить вытекающие из такого противопоставления политические следствия» крайне слабо отражают модели партийного воздействия (с. 300-301).

Понятия, используемые при анализе партийных систем

Несмотря на то, что исследования партий родственны исследованиям партийных систем, применяемые концептуальные и теоретические средства различны. В классическом труде М. Дюверже эти расхождения отразились в делении работы на «Книгу I: Структура партий» и «Книгу II: Партийные системы». «Партии и партийные системы» Дж. Сартори тоже разделены на две части, причем раздел о партийных системах вдвое больше раздела о партиях (Sartori, 1976). В то время как партии изучаются специалистами по отдельным странам, которых интересуют партии как политические институты, партийные системы чаще привлекают внимание ученых, занимающихся кросснациональным анализом политики. Количественное преобладание кросснациональных исследований партийных систем над сравнительным изучением отдельных партий особенно заметно в США. Литература по партийным системам в основном касается демократических стран Запада, хотя предпринимались и попытки разработать типологию латиноамериканских партийных систем (Wertz, 1987; Collier и

Collier, 1991: 498-505).

Невзирая на разницу между базовыми единицами анализа, выражающуюся в различиях понятийного аппарата, в однопартийных системах понятия партии и партийной системы во многом идентичны. В своей глубокой работе, посвященной анализу партий и партийных систем, Дж.Сартори (Sartori, 1976: 42-45) обосновал тезис о том, что партийная система возникает лишь при наличии более чем одной партии. Можно соотносить единственную партию с государством и обсуждать феномен «партийно-государственной системы», включая в это обсуждение и свойства партии, однако, строго говоря, однопартийных систем не существует. И хотя термин «однопартийная система» продолжает использоваться по сей день, в научной литературе доминирует позиция Сартори, согласно которой для существования партийной системы требуются по меньшей мере две партии.

В первом издании своей книги Я.-Э.Лэйн и С.Эрссон (Lane и Ersson, 1987b) дают детальный обзор представленных в литературе позиций по проблемам определения, концептуализации и анализа, возникающим при изучении партийных систем. Все ученые сходятся в том, что партийная система, как и любая другая, состоит из частей и взаимоотношений между ними, представляя собой нечто большее, чем сумма частей. Исходя из этого, Лэйн и Эрссон определяют партийную систему как «совокупность политических партий, действующих в стране на основе определенной организационной модели, которую характеризуют *свойства партийной системы*» (с. 155). Но по вопросу о том, какие именно свойства концептуально важны для теории партийных систем, единство среди ученых отсутствует, и различные подходы находят отражение в исследовательской практике. В составленном А.Лейпхартом (Lijphart, 1984) списке отмечены такие свойства, как (1) «минимальные выигрышные коалиции» (Dodd, 1976; Laver и Schofield, 1990); (2) продолжительность существования правительства (Dodd, 1976; Grofman, 1989); (3) эффективное число партий (Taagepera и Grofman, 1985; Herzog, 1987; Molinar, 1991); (4) количество проблемных измерений (Powell, 1987; Listhaug, McDonald и Rabinowitz, 1990); (5) непропорциональность результатов выборов (Rae, 1971; Lijphart, 1990a). Другие ученые добавляют к этим характеристикам межпартийную конкуренцию (Laver, 1989; Strom, 1989; Ware, 1989) и неустойчивость избирательских предпочтений (Pedersen, 1983). Чтобы определить действительно существенные измерения партийной системы, Лэйн и Эрссон проделали факторный анализ набора из 14 показателей, выделенных на основе предложений Лейпхарта, на материале 272

выборов в 16 европейских странах с 1920 по 1984 г. (об этом исследовании говорится в первом, но не во втором издании их книги) и пришли к заключению, что европейские партийные системы имеют пять главных измерений:

- 1) дробность, т.е. колебания в численности и силе единиц, составляющих партийные системы;
- 2) функциональная ориентация, т.е. различия между традиционными буржуазными партиями и религиозными и этническими;
- 3) поляризация, т.е. колебания в идеологической дистанции между партиями по «лево-правой» шкале;
- 4) радикальная ориентация, т.е. различия в степени влияния левых партий;
- 5) изменчивость, т.е. различия в суммарной мобильности между партиями (Lane и Ersson, 1987b: 177).

Ученые также сделали вывод о том, что основная проблема, возникающая при изучении партийных систем, состоит в анализе изменений выделенных характеристик. Эти изменения могут быть как следствием долговременных тенденций, так и флуктуациями.

В последние годы измерение динамики партийных систем стало одной из основных тем сравнительной политологии (Mair, 1983; Flanagan и Dalton, 1984; Wolinetz, 1988; Laver, 1989; Mair, 1989b; Smith, 1989; Smith и Mair, 1989; Smith и Mair, 1990). Однако попыток *объяснить* этот процесс гораздо меньше (Silverman, 1985; Mair, 1989a; Alber, 1989; Carmines, 1991). По словам Г.Рейтера, имеющиеся попытки строятся на привлечении понятий «изобилия, разрастания государства..., неокорпоратизма, средств массовой информации, новых политических проблем и расколов, трудностей в функционировании государства, постиндустриализма» (Reiter, 1989: 329) Вполне представительна для данного исследовательского направления работа Р.Инглхарта о постиндустриализме и «новой политике», в которой центральную роль играют проблемы защиты окружающей среды и качества жизни (Inglehart, 1990). В работе Т.Погунтке не только выделены основные элементы «новой политики», но и высказана гипотеза о пяти возможных способах ее воздействия на партийные системы: возникновение новых социальных движений; рост влияния малых партий; отход части сторонников традиционных левых партий к постматериалистическим левым партиям; отчуждение носителей «нового политического сознания» от политики и их отказ поддерживать партии; создание новых партий (Poguntke, 1987: 78-79). Понятие партийной системы весьма широко применялось как независимая переменная при кросснациональном анализе эффективности политических систем. Прделанный Дж.Б.Пауэллом

(мл.) анализ 28 партийных систем, функционировавших в 1965 — 1975 г., выявил корреляцию между высоким уровнем поддержки экстремистских партий и правительственной нестабильностью и массовыми беспорядками (Powell, 1981). В более поздней работе ученого соотношение между уровнем поддержки экстремистских партий и нестабильностью, с одной стороны, и беспорядками, с другой, рассматриваются отдельно (Powell, 1986). Однако Я.-Э.Лэйн и С.Эрссон обнаружили лишь опосредствованное влияние дробности партийной системы и ее поляризации на социальные беспорядки и правительственную нестабильность (Lane и Ersson, 1987a).

Наиболее разработанной теорией, рассматривающей партийные системы, является теория избирательных систем, где партийные системы обычно выступают как зависимые переменные. Основы этой теории были в значительной мере заложены во второй части книги М.Дюверже, где был сформулирован так называемый закон Дюверже, гласящий, что одномандатные округа и выборы по системе простого большинства порождают двухпартийную систему (Taagepera и Grofman, 1985; Scarrow, 1986). К счастью, содержание обширной литературы по проблеме великолепно представлено в нескольких недавних публикациях (Grofman и Lijphart, 1986; Lijphart, 1990a). А.Бле (Blais, 1991) тоже дает прекрасный обзор «дискуссии» об избирательных системах и дополняет его моделями, объясняющими их следствия. Рассматривая аргументы в пользу пропорционального представительства, ученый отмечает, что эта система «не выказывает явного превосходства над системой простого большинства в плане обеспечения политического порядка в зрелых демократиях, а в новых демократиях выбор пропорционального представительства чреват риском» (с. 246).

Падение коммунизма и появление межпартийной конкуренции в Восточной Европе привели к тому, что проблема воздействия избирательных систем на партии приобрела особую актуальность. А.Лейпхарт стал главным адвокатом пропорционального представительства и мультипартийности в этих странах. Ученый утверждает, что пропорциональная система и парламентаризм лучше справлялись с задачами «представительного правления, защиты интересов меньшинств, политического участия избирателей и контроля над безработицей», чем альтернативные системы, основанные на принципе относительного большинства (Lijphart, 1991a: 83). Это заявление встретило резкую критику со стороны К.Квейда, выступившего на защиту системы относительного большинства:

«Система простого большинства побуждает соревнующиеся между

собой партии принимать установку на формирование политического большинства. В результате партии склоняются к умеренности, к поиску примирения, к сглаживанию острых углов — короче, к готовности делать еще до выборов то, способность к чему *после* выборов вызывает восхищение Лейпхарта» (Quade, 1991:41).

Присоединяясь к Квейду, Г.Лэрдирет писал, что «в условиях системы простого большинства партии стремятся к умеренности, так как это позволяет им получать голоса откладывающих свое решение на последний момент избирателей-центристов» (Lardeyret, 1991: 33). В ответ на критику Лейпхарт указал, что многие страны избирали пропорциональную систему, чтобы адаптироваться к новым социальным расколам; что страны с пропорциональной системой, несомненно, достигли больших успехов в экономическом развитии; что системы относительного большинства нередко порождают искусственное большинство, что недемократично (Lijphart, 1991b).

Пока велись все эти научные споры, новые демократии внедряли различные избирательные системы. Дж.Хиббинг и С.Пэттерсон описывают сложную избирательную систему Венгрии, сочетающую элементы пропорционального представительства и системы относительного большинства, в целом высказываясь в пользу последней и против чисто пропорциональной системы (Hibbing и Patterson, 1992). Анализ ситуации в Польше привел К.Ясевича к выводу о том, что главный источник неприятностей — не пропорциональная система, а отсутствие зрелых партий, хотя аргументы Лейпхарта в пользу пропорционализма не снижали поддержки ученого (Jasiewicz, 1992). Позднее Лейпхарт использовал анализ установленных в Венгрии, Польше и Чехословакии избирательных систем для проверки высказанной С.Рокканом гипотезы, согласно которой упрочившиеся буржуазные партии конца прошлого столетия (как и коммунистические партии в конце 1980-х годов) отдавали предпочтение пропорциональному представительству потому, что видели в нем средство сохранить хоть какую-то долю власти в условиях давления со стороны новой волны избирателей. Лейпхарт делает вывод, что эта гипотеза верна по крайней мере для Польши, где действительно была принята весьма радикальная форма пропорционального представительства (Lijphart, 1992).

Описанная выше полемика относительно следствий различного роля избирательных систем велась вне рамок какой бы то ни было широкой теоретической схемы. Между тем Р.Кац предлагает дедуктивную теорию, «объясняющую проблемные ориентации, идеологические стили и структурную согласованность (сплоченность как противоположность дезинтеграции и

фракционности) представленных в парламенте партий» (Katz, 1980: 13). В основе теории лежит положение о том, что «партийная организация в парламенте представляет собой продолжение организации, ведущей избирательную кампанию, и потому должна иметь такие же структурные характеристики, как и рационально организованная кампания», подчиняющаяся избирательной системе (с. 32). Исходя из восьми допущений относительно избирателей и предвыборной конкуренции, Кац выдвигает двенадцать гипотез, в том числе и две следующие:

«5) в условиях пропорциональной системы с большими избирательными округами партии будут более идеологизированными, чем в условиях системы относительного большинства;

6) партии, конкурирующие между собой в малых округах, будут по преимуществу ориентироваться на персоналии лидеров и патронаж, тогда как партии, конкурирующие в больших избирательных округах, будут склонны к проблемной ориентации» (с. 33-34).

Кац подверг свои гипотезы проверке двумя способами, экстенсивным — на основе привлечения кросснациональных данных, и интенсивным, включавшим в себя детальный анализ партий Великобритании, Ирландии и Италии. В обоих случаях гипотезы выдержали проверку. Сходные представления высказывались и другими учеными, но, как замечает Кац, «есть разница между знанием чего-то и пониманием, почему это так» (с. 117). Разработанная ученым теоретическая структура позволяет объяснить различия между партиями, действующими в условиях различных избирательных систем.

Состояние теории партий

Теперь обратимся к теории партий, сосредоточив внимание на теориях, в которых в качестве единиц анализа выступают отдельные партии. Среди американских и зарубежных ученых модно жаловаться на отсутствие теории партий. Эти жалобы имеют долгую и «славную» историю. В своей работе, написанной по-французски свыше пятидесяти лет назад, М. Дюверже отмечал:

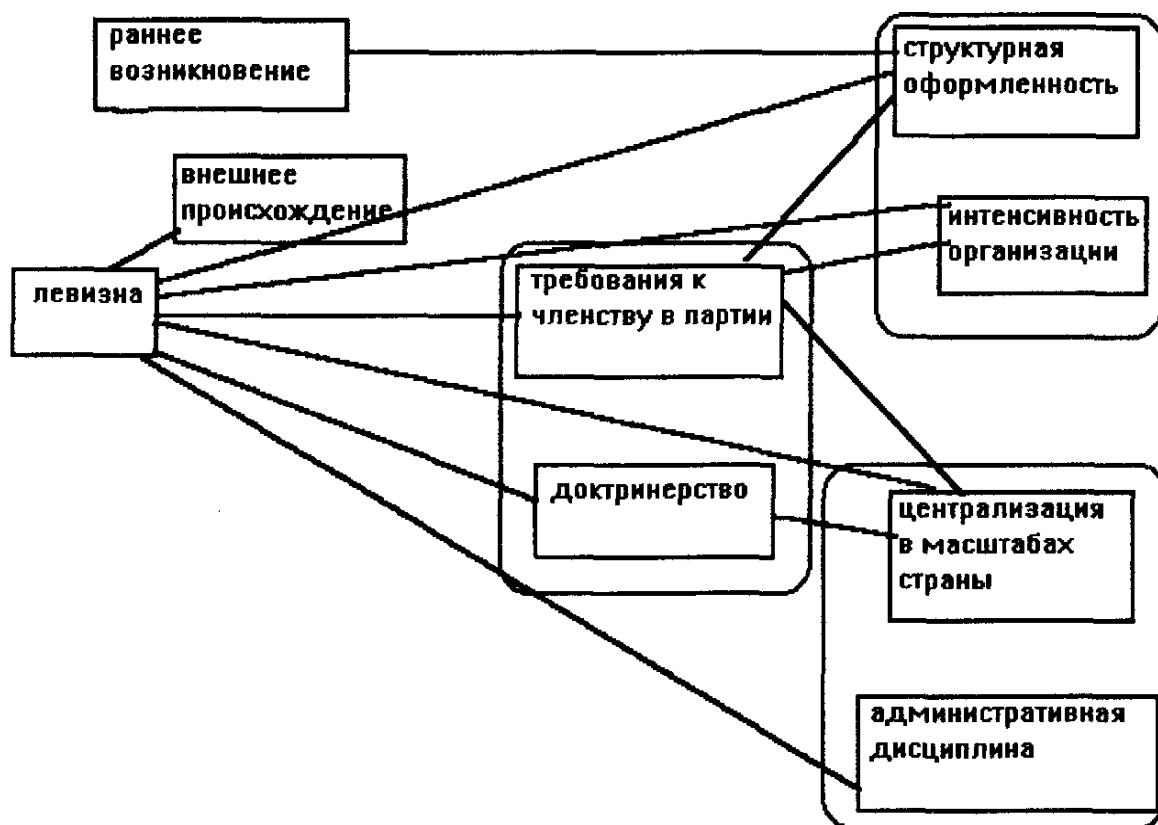
«Мы оказались в порочном кругу: общая теория партий может быть создана лишь после того, как будут проведены глубокие предварительные исследования; но эти исследования не могут быть по-настоящему глубокими, пока не сформулирована общая теория» (Duverger, 1963: xiii).

После этого Дюверже произвел на свет десятки обобщений, разбросанных на двухстах страницах текста. Мы, вместе с

Д.Кингом, выделили 19 основных гипотез, сформулированных в работе Дюверже, и проверили их с помощью кросснациональных данных почти по 100 партиям. В результате 12 гипотез получили статистическое подтверждение (Janda и King, 1985).²⁹ Центральным положением теоретических рассуждений Дюверже была концепция партийной идеологии. Поскольку же ученый видел в левых партиях партии «современного» типа, мы формализовали гипотезы Дюверже с помощью понятия левизны. Из 12 нашедших подтверждение гипотез 11 предполагали левизну как фактор прямой или опосредованной причинности. Ведущая роль идеологии в теории Дюверже ясно прослеживается на схеме 1, составленной мною совместно с Д.Кингом в качестве иллюстрации к 12 подтвержденным гипотезам (ее переменные определяются основными понятиями, рассматриваемыми в настоящем обзоре).

Как явствует из схемы, идеология (левизна) выступала исходной причиной организационных особенностей партий практически во всех сформулированных Дюверже гипотезах относительно партийной структуры. В целом, для левых партий характерны более глубокое восприятие членами партии ее доктрины, большая организационная сложность и большая централизация власти. Это происходит потому, что левые партии являются проводниками процесса общественных перемен (Hamilton, 1989: 219). А значит, им нужна более прочная организация, чем для защиты существующего порядка. Теоретические положения Дюверже до сих пор оказывают громадное воздействие на изучение партий (Sartori, 1976: x).³⁰

Схема 1. Двенадцать подтвержденных гипотез Дюверже

Несмотря на значительный успех попытки Дюверже «сделать предварительный набросок общей теории партий», и десятилетия спустя ученые продолжают ссылаться на отсутствие теории. В 1972 г. Л.Мэйер озаглавил главу в своем учебнике по сравнительной политологии «В поисках теории партий». Признавая стимулирующую роль работы Дюверже, Дж.Сартори в 1976 г. заметил, что «общая теория партий по-прежнему отсутствует» (Sartori, 1976: xi). В вышедшей почти через два десятилетия после первого издания переработанной редакции своего учебника Мейер вновь был вынужден констатировать, что «изучение любой проблемы, связанной с партиями, часто протекает в отрыве от других проблем и без всякого теоретического обоснования важности вопросов, которым посвящено исследование» (Meуег, 1989: 142). В недавнем обзоре американской литературы по партиям У.Кротти отрицает существование «какого бы то ни было преобладающего взгляда на партии», и рассматривает создание теории партий как «цель, которую нужно реализовать» (Grotty, 1991: 148). В своей главной работе по политическим партиям западных демократий (она переведена на английский язык) фон Бойме, подчеркивая важность построения теории, которая бы позволила организовать данные по партиям, отмечает, что «жалобы на отсутствие удовлетворительных теорий так же стары, как сами исследования партий, и, конечно,

автору данного исследования тоже будет брошен упрек в том, что ему не удалось ее создать» (von Weyme, 1985: 6).³¹

В противоположность общепринятому представлению об отсутствии теории партий, Дж.Шлезинджер утверждает, что «теория содержится в большинстве работ по партиям. Но мы не можем свести ее воедино» (Schlesinger, 1991: 4). Я согласен, что мы слишком долго жаловались на недостаток теории. За долгие годы работы сформировался значительный корпус теоретических положений, и ныне пора воздать должное достигнутому. Вероятно, исследователи слишком много ждут от «общей теории». Как бы она выглядела, будь она в конце концов создана? Мы можем лишь догадываться о форме и пределах применимости такой теории.

Форма общей теории

Должна ли общая теория политических партий соответствовать строгим требованиям, которые предъявляются к теориям, исходящим из гипотез и основанным на дедуктивном методе? Должна ли она включать в себя аксиомы, постулаты и математический аппарат? Если так, то теория рационального выбора как будто соответствует всем требованиям (Greenberg и Shepsle, 1987; Holler, 1987; Laver и Shepsle, 1990; Baron, 1991; Coram, 1991). Но, если судить по собственным работам тех, кто призывает к разработке общей теории (например, Дж.Сартори и К. фон Бойме), такие требования слишком сложно выполнить. Многие предпочли бы видеть общую теорию как совокупность тесно взаимосвязанных теоретических положений, которые поддавались бы эмпирической проверке. Тогда примерами могут служить другие работы (Katz, 1980; Panebianco, 1988; Budge и Keman, 1990; Laver и Schofield, 1990; Strom, 1990a; Schlesinger, 1991).

Обсуждая вопрос о том, что значит — разработать теорию партий, Я.Бадж и Г.Кеман высказываются в пользу «серии гипотез или предположений, соответствие каждого из которых фактам, вытекающим из собранной информации по проблеме, было бы тщательно взвешено. Сведенные воедино эти положения и образовали бы «теорию» или «объяснение» того, почему партии действуют тем или иным образом. Выдержав проверку, такая «теория» позволила бы также предсказывать действия партий после прихода к власти в определенных обстоятельствах» (Budge и Keman, 1990: 7-8). Для достижения теоретической ясности полезно было бы «облечь все это в математическую форму», но в результате фокус теории сузился бы ввиду большого количества ограничительных и упрощающих допущений (с. 9). Отдавая предпочтение широкому

охвату и практической применимости, ученые делают выбор в пользу теории, строящейся как совокупность тесно взаимосвязанных положений, выраженных словесно. Как собственные работы Баджа и Кемана, так и другие исследования показывают, что общая теория партии не обязательно должна быть выражена в математической форме.

Область применения

Чтобы быть действительно общей, теория партий должна иметь широкую область применения. Применимость теории партий имеет два важных аспекта: типы партий, которые вписываются в ее рамки, и набор имеющих отношение к партиям явлений, поддающихся объяснению с помощью этой теории. Первый аспект связан с тем, какое определение партии положено в основу теории — является ли это определение узким и теоретически *исключающим* или широким и теоретически *включающим*. В принципе, теория, опирающаяся на широкое определение (подобное принятому в настоящем обзоре), при условии соблюдения заданных ею самой параметров должна иметь глобальную область применения. Таким образом, нам остается лишь обсудить вопрос о том, какие явления должны быть охвачены ее рамками.

Что должна объяснять подлинно общая теория партий? Должна ли она охватывать, к примеру, поведение избирателей? Как утверждает Дж. Шлезинджер, определение партий как организаций исключает такую возможность: избиратели выражают предпочтение той или иной партии, но сами, конечно же, не являются партиями. Хотя о партиях нередко говорят как о коалициях избирателей, это, строго говоря, неправильно: «Ни одна партия не является продуктом явного и сознательного соглашения избирателей по поводу предпринимаемых действий» (Schlesinger, 1991: 8). Ученый придает этому ограничению особую важность: «Значительная часть сложностей в развитии теории партий связана именно с тем, что политологи не знают, как поступить с избирателями» (с. 8). Исключение проблем электорального поведения из сферы, которой занимается теория партий, не означает, что в этой теории должны полностью отсутствовать соответствующие положения. Но это значит, что нельзя требовать от теории партий, чтобы она объясняла поведение избирателей, ибо ее цель — объяснять организацию и поведение партий.

Должна ли общая теория партий объяснять все, что касается партий? И более того, должна ли она быть единой, монолитной теорией? Если да, то нехватка общей теории партий будет ощущаться до тех

пор, пока отсутствует корпус взаимосвязанных положений, объясняющих, как минимум: (1) ковариантность организационных характеристик отдельных партий; (2) каким образом и когда партии возникают, претерпевают изменения и исчезают; (3) воздействие партий на политическую жизнь в ее институциональных и личностных аспектах. Но, если цели общей теории партий действительно таковы, то, в сущности, очевидно, что ее не будет никогда. В равной мере, такой подход делает невозможными общие теории поведения избирателей, законодательных собраний и любого иного политического института или поведения, ибо запросы слишком высоки.

Мы не должны ждать, что общая теория партий объяснит абсолютно все. Разумнее было бы признать, что общей теорией могут служить совокупности взаимосвязанных положений, каждое из которых применимо к достаточно широкому кругу явлений. Наша цель — открывать острова, а не искать новые континенты. Здесь полезна аналогия с изучением поведения избирателей: в этой области одна совокупность положений объясняет явку на выборы, а другая — выбор при голосовании. Соответствующие теории в чем-то пересекаются между собой, но, в сущности, они существуют независимо друг от друга. В области изучения партий, как я старался показать в настоящем обзоре, уже есть совокупности теоретических положений по отдельным, но при этом весьма важным аспектам.

Заключение

В недавно вышедшем исчерпывающем обзоре литературы по партиям США У.Кротти заметил, что «область изучения политических партий .— это скорее объединение или конфедерация отдельных исследований и исследовательских акцентов, слабо связанных между собой, нежели сконцентрированная на своем предмете и достигшая высокого уровня внутренней интеграции субдисциплина с четко обозначенными пределами» (Crotty, 1991: 138). В главе «В поисках теории» ученый характеризует американскую исследовательскую практику как «сознательно эмпирически ориентированную и лишенную теории» (с. 145). Отмечая перспективность работы Дж.Шлезинджера, Кротти продолжает: «Чем больше попыток разработки теории и концептуального развития, тем лучше для исследовательского направления, до сих пор не прославившегося ни качеством, ни разнообразием теоретической работы» (с. 148).

Я согласен с Кротти в том, что изучение американских политических партий может лишь выиграть от большего внимания к

теории. Число американских теоретиков не исчерпывается Дж.Шлезинджером и Э.Даунсом. Например, Д.Кэменс (Kamens, 1989) предложил теорию партийного развития, объясняющую тот парадокс, что американские партии, которые с начала 1960-х годов переживают период организационного укрепления, в то же время ослабли как орудия массовой политической мобилизации. В основе этой теории — приобретение американской политикой общенационального характера, а также культурные сдвиги, связанные с распространением высшего образования и ростом значения средств массовой информации. И все же генетическая работа более широко представлена в сравнительных исследованиях, чем в американской литературе по партиям. Выше уже отмечались теоретические усилия М.Дюверже, Р.Каца, К.Строма, Я.Баджа и Г.Кемана. Есть еще и разработанная А.Уэром (Ware, 1987: 108) модель партийного поведения как потока информации; теория трансформации партий А.Панебьянко (Panebianco, 1988: 262-273); теории отбора кандидатов М.Галлахера и М.Марша (Gallagher и Marsh, 1988); выделенная М.Гамильтоном (Hamilton, 1989: 30-31) система показателей, объясняющих радикализм социалистических партий; представленная в работе М.Лейвера и Н.Шофилда (Laver и Schofield, 1990) теория коалиций; предложенная Дж.Шлезинджером (Schlesinger, 1991: 151-172) теория «многоядерной» партии. Исследователи партий больше не имеют права жаловаться на отсутствие теории. Ныне проблема состоит в том, чтобы усвоить, развить и расширить поле применения уже существующих теорий. Ждать же, что некая общая теория будет ниспослана нам свыше, не имеет смысла. Даже исследователи, заинтересованные прежде всего в американских политических партиях, могут почерпнуть аналитическое мастерство и теоретическое вдохновение из сравнительного изучения политических партий и чтения европейской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Практически все опрошенные были знакомы с «Американским политологическим обозрением» («American Political Science Review, 99 %) и «Журналом политики» (Journal of Politics, 91 %).
2. Ж.Лапонс показал, что хотя все политологические журналы, в сущности, этноцентричны, это в меньшей степени касается «Британского политологического журнала». Но, сравнивая британские и американские журналы, А.Крюи и П.Норрис отмечают, что «доля американских политологов, читающих британские журналы, в два с половиной раза больше доли британских политологов, читающих американские журналы» (Steuwe и Morris, 1991: 526).
3. Предложенное 3.Пойманном формальное определение политической партии

гласит, что это «особая организация активных политических агентов, стремящаяся к контролю над государственной властью и состязаящаяся с группой или группами, придерживающимися других взглядов» (Neumann, 1956: 396).

4. А.Уэр (Ware, 1987: 17) не понял, что в контексте этого определения «участие в правительстве» и «государственная должность» в США — это одно и то же.

5. Однако Дж.Шлезинджер придерживается противоположной позиции: «Я считаю, что стремление к охватывающему все на свете определению партии побуждает нас игнорировать колоссальное разнообразие типов политических организаций, существующих в условиях демократии, а значит — и чрезвычайно важные различия, которые нужно проводить между ними» (Schlesinger, 1991: 203).

6. Взаимные корреляции между показателями длительности существования, смены руководства, стабильности представительства в законодательных органах и электоральной стабильности по 150 партиям позволили разместить их на единой шкале с кронбаховым коэффициентом достоверности 0.79 (Janda, 1980b: 143-144, 155).

7. Принимая во внимание рост количества партий в бывших коммунистических странах, необходимы справочники по этим партиям. Некоторые такие справочники уже вышли в свет. Б.Зайковски дает список более 500 партий в 12 странах региона (Szajkowski, 1991); в книгах В.Прибыловского (Pribylovskii, 1992) и Ю.Абрамова и Д.Дарчиева (Abramov и Darchiyev, 1992) описываются сотни партий, действующих в одной только России.

8. А.Панебьянко выводит это различие из аналитической модели, разработанной К.Элиассеном и Л.Свосандом (Eliassen и Svaasand, 1975).

9. М.Лейвер и Н.Шофилд добавляют сюда еще один технический прием — многомерный анализ именных парламентских голосований, но этот метод фактически применялся лишь в исследованиях отдельных стран, а не в кросснациональном анализе.

10. Помимо предложенной Э.Даунсом теории «близости», есть альтернативная теория «направленности» в формулировке Дж. Рабиновича, С.Макдональда и О.Листхога. Эта теория исходит из допущения, что политические проблемы биполярны, избиратели принимают решение в соответствии с (1) тяготением своих предпочтений к одному из полюсов; (2) силой предпочтений. «Сходным образом, партии отстаивают разные политические ориентации с различными степенями интенсивности» (Rabinowitz, Macdonald и Listhaug, 1991: 149). Если, согласно теории «близости», избиратель, находящийся слегка левее центра, должен выбрать партию, расположенную ближе всего к центру, то, согласно теории «направленности», он выберет партию, расположенную на левом фланге (с. 150).

11. Ж.Шарло (Chariot, 1989: 353) воздаст должное Д.Сейлеру (Seiler, 1986) за проведение различия между двумя последовательностями формирования партий. В одной из них проблемная ориентация предшествует претензии на власть и появлению корпуса сторонников. В другой сначала складывается группа сторонников, а затем возникает проблемная ориентация и выдвигаются претензии на власть. Работа Сейлера опубликована по-французски.

12. В более позднем исследовании 108 партий, участвовавших в 19 выборах, Р.Роуз и Д.Эрвин почти не обнаружили свидетельств, подтверждающих роль регионализма как основы сплочения партий (Rose и Urwin, 1975).

13. Давним и единственным исключением является работа Л.Андерсона

(Anderson, 1968), пытавшегося применить теорию организаций для изучения партий на уровнях штатов и округов.

14. Хотя исследования по партийной организации более широко представлены в американской литературе, даже в Америке этой темой пренебрегают. Л.Эпстейн (Epstein, 1991) проанализировал 238 статей и научных заметок, увидевших свет в «Американском политологическом обозрении» с марта 1986 по декабрь 1990 г., и обнаружил лишь одну такую публикацию — научную заметку по внеправительственной партийной организации.

15. Это похоже на предложенное М.Дюверже понятие «сообщества» (Duverger, 1963-131).

16. Достоверность 6-пунктной шкалы организованности (сложности), замеренная как кронбахова альфа, составила 0.82, а 8-пунктной шкалы централизации власти — 0.83. По всей выборке партий корреляция между двумя шкалами практически отсутствовала, $r = 0.03$ (Janda, 1980b: 156—157).

17. С.Хантингтон (Huntington, 1965: с. 40) определяет автономию в терминах интересов, а не структуры. Ученый предъявляет к автономным организациям требование, чтобы «их интересы и ценности формулировались в виде, отличающемся от интересов и ценностей других социальных сил».

18. Из 905 рефератов по политическим партиям в базе данных ДИАЛОГ, только в 25 упоминались финансирование или средства и лишь в немногих специально поднималась проблема финансирования деятельности партий, но на английском языке не вышло ни одной работы, где бы проводились сравнительные исследования по такого рода проблематике.

19. Бывшие партии — «сателлиты» в странах Восточной Европы (например, четыре второстепенные партии Германской Демократической Республики) не только были явно лишены автономии, но и, как полагают некоторые исследователи, их вообще нельзя считать самостоятельными партиями. Однако выживание этих партий после коллапса коммунизма свидетельствует, что они все же имели собственные организации, хотя и существовавшие в условиях крайнего подчинения.

20. См. выступление в защиту этого проекта: Reif, Niedermayer и Schmitt, 1986.

21. Более позднее определение Ф.Беллони и Д.Беллера в концептуальном отношении идентично. Они определяют фракцию как «любую сравнительно организованную группу, которая существует внутри другой группы и которая (в качестве *политической* фракции) состязается с соперничающими группами за власть внутри большей группы, частью которой является» (Belloni и Beller, 1978: 419).

22. Пять индикаторов вовлеченности — строгость требований, предъявляемых при приеме в партию; участие членов партии в партийной работе; материальные стимулы; «целевые» стимулы; приверженность доктрине — были использованы для разработки шкалы с альфа-коэффициентом достоверности 0.78 (Janda, 1980b: 154-155).

23. Т.Келбле (Koelble, 1989) утверждает, что «железный закон» Михельса неприменим к западногерманской Партии зеленых, в которой организация не ведет к олигархическим тенденциям.

24. Глубокий анализ этих противостоящих позиций можно найти в: Schlesinger, 1991: 135-145.

25. Хотя Дж.Шлезинджер и приписывает своей теории видение партий как стремящихся к должностям (Schlesinger, 1991: 143), на самом деле, если иметь в виду европейскую терминологию, в рамках его теории партии выступают как

стремящиеся к успеху на выборах. См.: Strom, 1990a.

26. Д.Пржеворски и Дж.Спраг объясняют название «Бумажные камни» следующим образом: «Баррикады больше не нужны, когда рабочие могут использовать избирательные бюллетени; голоса — это и есть бумажные камни» (Przeworski и Sprague, 1986: 1).

27. Глава «Сила и альянсы» в книге М.Дюверже (Duverger, 1963: 281-351) затрагивает вопрос о показателях правительственного статуса.

28. Исследование Д.Гиббса подверглось критике со стороны Дж.Пэйна (Payne, 1979) за предвзятый подбор материала и другие методологические ошибки. Гиббс на эту критику возразил (Hibbs, 1979).

29. В соответствии с широким подходом к сравнительному изучению партий, который отстаивал сам Дюверже, существование таких взаимосвязей было подтверждено на материале, включавшем данные как по состязательным партиям в условиях демократии, так и по сдерживающим и подрывным партиям коммунистических стран и «третьего мира» (Janda, 1979). Число партий, подтверждающих каждое из положений, варьировало от 79 до 135 (Janda и King, 1985).

30. Отрицание значимости работ Дюверже можно найти в: Daalder, 1983: 10-12.

31. К. фон Бойме заметил это в ответ на критику немецкого издания его книги, где отсутствие у него «интереса к общей теории» было найдено «непонятным» (Raschke, 1983: 109).